

№12

Декабрь 2024

РУССКИЙ КЛУБ

Скоро Новый год!

თბილისის ა.ს. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო რუსული დრამატული თეატრი
ТБИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМ. А.С. ГРИБОЕДОВА

ჭირვეული პრინცესა

ჰ.-ძ. ანდერსენის ზღაპრების მიხედვით

КАПРИЗНАЯ ПРИНЦЕССА

ПО СКАЗКАМ Г.-Х. АНДЕРСЕНА

www.griboedovtheatre.ge

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректура
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№12 (230)
Декабрь 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

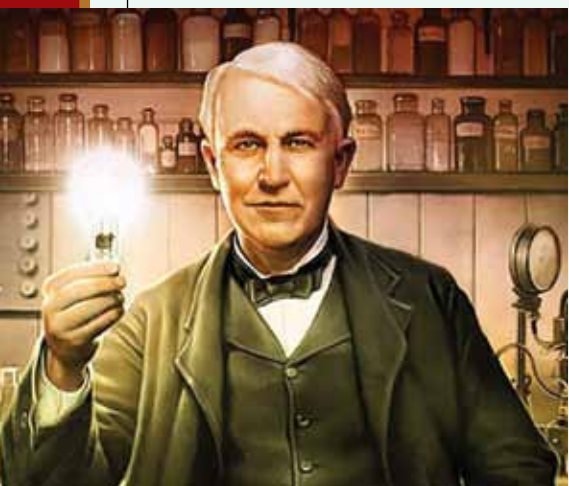
- 4 ОТ А ДО Я**
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 Я – МАЛЕНЬКАЯ ВЕТОЧКА...**
АННА КАЛАНДАДЗЕ
- 9 ЛЮБОВЬЮ ЗА ЛЮБОВЬ**
- 12 ЖИВОЕ ПРОСТРАНСТВО «GIFT»**
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 18 ЗВЕЗДА НАДЕЖДЫ**
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 20 НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ**
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 24 НЕМАЯ МЕРИ**
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 27 «НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВЫСТАВКА» МИШИ ИАШВИЛИ**
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 30 ЕГО НИКТО НЕ ЗАМЕНИТ**
- 37 И ЭТО ВСЕ О НЕЙ**
ЭЛЕОНОРА АБАШИДЗЕ
- 43 АНГЕЛ ТРУБЯЩИЙ**
НОННА АМБАРЦУМЯН
- 46 СИМВОЛ ДЕСЯТИЛЕТИЙ**
НИНА ШАДУРИ
- 50 ВСТРЕЧИ В ДУШАНБЕ**
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 53 «ДОНЦОВА – ЭТО ВЫСОКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА»**
ИННА БЕЗИРГАНОВА

Роб АВАДЯЕВ

ДЕМОНСТРАЦИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ОСВЕЩЕНИЯ

Всем известно, что первую лампу накаливания создал знаменитый американский изобретатель Томас Альва Эдисон. Об этом сказано в энциклопедиях, книжках и фильмах. Но какое-то электрическое освещение было и до него. Основной принцип лампы накаливания был известен еще лет за 70 до Эдисона. И было немало попыток изобрести ее. В качестве спирали накаливания в стеклянной запаянной колбе использовали платиновую проволоку, угольный или графитовый стержень. Первую угольную лампу накаливания изобрел русский военный инженер Лодыгин еще в 1872 г., а в сентябре 1873 г. на одной улице в Петербурге зажглись вместо прежних керосиновых ламп его угольные светильники. Пятью годами спустя появилась «Электрическая свеча» Павла Яблочкова, или, по-научному, дуговая лампа с угольными электродами. А вот у американца Эдисона долго ничего путного не получалось. Но этот незаурядный изобретатель жил по принципу «Гений – это на один процент вдохновения, а на девяносто девять – потения». И в итоге именно он добился большого успеха.

После нескольких этапов, он в октябре 1879 года создал лампу, которая горела аж 45 часов. И с каждой недели срок службы каждой новой лампочки увеличивался в разы, пока перед Рождеством того же 1879 года Томас Альва Эдисон не продемонстрировал восхищенным гостям свою лабораторию, контору, свою квартиру и еще несколько домов, а также наружную территорию Менло-Парка залитые уже не газовым, а электрическим светом – горели 700 лампочек Эдисона. А через год он создал первый электроламповый завод – сначала один, а после еще один. Себестоимость одной лампочки составляла 1 доллар и 10 центов, но Эдисон был не только гениальным изобретателем, но и гениальным менеджером. Он установил продажную цену в 40 центов, терпя жуткие убытки четыре года подряд, пока не получил производительность своих заводов в миллион лампочек и себестоимость каждой в 22 цента. Вот тогда он с лихвой и окупил все сполна. И остался в истории единственным упоминаемым изобретателем этой необходимой в хозяйстве вещи, ибо был еще и гениальным пиарщиком. Скажем по справедливости, первые лампочки были, конечно, еще очень тусклыми. И даже ходила шутка: «Друг, зажги спичку и посмотри, горит лампочка или нет».

ТВЕРДАЯ РТУТЬ

Когда в детстве мы читали приключенческие фантастические романы, то удивлялись, натываясь в описаниях далеких планет на скалы из окаменевших газов, хотя про водяной лед уже знали. Но мы тогда не представляли себе, что все это могло существовать в природе. Скажем, кто не знает жидкий при комнатной температуре металл под названием ртуть – всем когда-то мерили температуру при простуде. А случалось, что стеклянный градусник падал на пол и разбивался, и взрослые собирали по полу красивые маленькие блестящие шарики в бумажный кулечек и предупреждали детей, что ртуть очень ядовита и опасна. Так вот, ртуть может быть и твердой, если ее сильно охладить. Это ученые выяснили еще в далеком восемнадцатом веке. Дело было так: в пред рождественские дни 1759 года в Петербурге стояли очень сильные морозы – до -37°C . А приехавший на работу в Россию лет за десять до того немецкий профессор Йозеф Адам Браун, или, на русский лад, Осип Иванович, занимался опытами над ртутью. Его лаборатория располагалась в подвальном помещении кунсткамеры, там было здорово холодно от замерзшей Невы. Упрямый приезжий академик Петербургской Академии наук, между прочим, личный

друг и сподвижник нашего великого Михаила Васильевича Ломоносова, старался получить в специальной камере, где стояла чашечка ртути, еще более низкую температуру. С помощью охлаждающих смесей он сумел понизить температуру до -56°C . И тут увидел небывалое – ртуть замерзла! И ее можно было ковать, рубить и пилить. Сразу после новогодних праздников Браун вместе с Ломоносовым собрали публичное заседание Академии наук и прочитали доклад «О удивительной стуже, искусством произведенной, от которой ртуть замерзла» и повторили для убедительности эксперимент. Открытие произвело настоящую сенсацию в ученом мире. А лет двадцать спустя выяснилось, что на самом деле ртуть замерзает уже при гораздо более высокой температуре, при -39°C . Поэтому из-за российских холодов в уличных термометрах, показывающих температуру воздуха, используется не ртуть, а подкрашенный красным или синим спиртовой раствор.

НАИВНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Жил-был во Франции XVIII века выдающийся деятель эпохи Просвещения по имени Дени Дидро. Он был велик и мудр, благо сделал для человечества во много раз больше некоторых владык и монархов. Он создал «Энциклопедию» наперекор всем трудностям и препонам, чинимым ему властями и церковниками. Долгие 29 лет Дидро писал статьи для нее и выпускал их вместе с Жаном Лероном Д'Аламбером. Всего под редакцией Дидро были созданы первые 28 из 35 томов «Энциклопедии». Но писал он не только энциклопедические статьи и комментарии, но и интересную прозу. Его персонажи были остро характерными, и в них легко узнавались типичные представители разных классов тогдашнего общества. А еще этот философ активно выступал против социального неравенства и угнетения. Подобно современным либералам, Дидро ра-

товал за равенство и справедливость для всех людей. Он считал, что общество нуждается в реформировании, чтобы обеспечить каждому равные права и возможности. Хотя, по чести, надо сказать, что выдающийся просветитель был сторонником «просвещенного абсолютизма». Ибо, как и Вольтер, не очень доверял народной массе, неспособной, по его мнению, к здравым суждениям в серьезных вопросах и нуждающейся в строгом, но мудром, руководстве.

И однажды Дидро столкнулся с подобным почти идеальным просвещенным монархом. В 1766 году русская императрица Екатерина Великая, с которой философ несколько лет переписывался, узнала о его финансовых проблемах. Она велела русскому послу Голицыну в Париже выкупить за крупную сумму в 15 000 ливров личную библиотеку Дидро из 3000 томов, которую он собирал во время работы над «Энциклопедией». Причем после продажи Дидро сохранил пожизненное право пользоваться этой библиотекой. Ее оставили в Париже в специально нанятом доме, и в Россию она попала только после смерти философа, где была выставлена в Эрмитаже в отдельном зале. Еще царица предложила ему работу — за тысячу ливров в год Дидро становился консультантом и экспертом в области культурной жизни Европы и помогал российским представителям покупать для Эрмитажа лучшие картины, гравюры и книги для публичных библиотек. Кстати, именно он порекомендовал Екатерине скульптора Фальконе для работы над памятником Петру I. Философ побывал в России. В октябре 1773 года Дидро принял приглашение царицы и приехал в Петербург. Он поселился в угловом доме сбоку от Исаакиевского собора. Здесь он пробыл до начала марта следующего года. Русским он очень понравился, его называли на русский манер Денисом Ивановичем. Только огорчались и старались увильнуть, когда либеральный умник

пытался их поучать, дескать, надобно делать все демократично и соревновательно, в том числе и назначать на высокие посты. Русские живо представляли себе, что бы сделали братья Орловы или всемогущий Потемкин с конкурентами, претендующими на их посты и привилегии.

Но сама матушка-государыня очень мило принимала мудреца, беседовала с ним целыми часами, хотя и скептически относилась к его проектам об уничтожении роскоши при дворе и направлении средств на нужды народа. Однако одна мысль — о всеобщем бесплатном образовании — запала в ее умную голову и с годами была претворена в жизнь ее потомками, правда лишь в виде церковно-приходских начальных школ.

Невзирая на некоторую наивность первых мыслителей, именно Просвещение прославляло ценность и уникальность личности. Эту концепцию Дидро подчеркивал в каждом аспекте своей работы. Он критиковал церковь за навязывание своих моральных стандартов всем вокруг, а светскую систему образования — за предположение, что каждый человек одинаково восприимчив к обучению. Он считал, что в образовании нужен индивидуальный подход, а не принцип «всех под одну гребенку». А еще он вывел великий и, увы, пророческий постулат, названный «эффектом Дидро», который гласит: «Приобретение нового имущества часто создает спираль потребления, которая заставляет вас приобретать все больше новых вещей. В результате мы покупаем вещи, которые никогда не были нужны нам раньше, чтобы чувствовать себя счастливыми или удовлетворенными». Представьте, Дидро это сказал еще в далеком XVIII веке, а не в нашу эпоху глобального потребления.

ЮБИЛЕЙ КИНОШЕДЕВРА

В середине декабря 1939 года состоялась долгожданная премьера фильма «Унесенные ветром», ставшего поистине легендарным. Эта знаменитая военная мелодрама каким-то невероятным образом попадает в самую зрительскую душу — как в те времена, так и ныне. А главную героиню Скарлет О'Хара, гениально сыгранную ан-

глийской актрисой Вивьен Ли, считают олицетворением настоящего американского характера, выкованного трудными испытаниями и лишениями. Фильм, снятый по единственной книге прекрасной писательницы Маргарет Митчелл, не обходит вопросы классовой и расовой розни, ибо действие происходит в разгар Гражданской войны Севера и Юга.

НЕОБЫЧНАЯ КОРОНАЦИЯ

В Соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1804 года состоялась религиозная коронационная церемония Наполеона I, которую проводил сам папа Пий VII. Мероприятие длилось аж пять часов. Публика и масса приглашенных VIP-персон устала ждать того торжественного момента, когда знаменитый республиканский генерал и Первый консул Французской республики отступится от революционных идей, закончит историю великих исторических преобразований конца XVIII века и объявит себя их владыкой и монархом. А также будет увенчан императорской короной из рук папы. Правда, накануне чуть было не произошла накладка. В беседе с папой супруга Наполеона Жозефина Богарне призналась, что у них гражданский, а не церковный брак. Папа возмутился и отказался короновать Бонапартов. Но той же ночью, тайком, во дворце Тюильри Наполеон и Жозефина сочетались католическим браком, и препятствие было устранено. Сама церемония была на редкость эклектичной, что называется «с миру по нитке», т.е. для нее взяли элементы из разных церемоний. И была она невероятно пышной. Одна роскошная мантия будущего императора весила 36 кг! Но он был мужчиной неслабым. Однако Наполеон наотрез отказался стоять на коленях и все мероприятие просидел на троне. А корону на свою голову надел сам, выдрав ее из рук римского понтифика — дескать, я сам себе «селфмейдмен», как сказали бы американцы. Папа, да и многие были шокированы, но выдающемуся полководцу было все равно. Сам решил — сам и сделал.

Я – МАЛЕНЬКАЯ ВЕТОЧКА...

К 100-летию со дня рождения Анны Каландадзе

Анна была очевидна и воздушно чиста, и сколько Грузии сосредоточенно и свободно помещено в Анне! Ее страсть к родимой речи, побуждающая к стихосложению и специальным филологическим занятиям, все еще не утолена, склоняет ее к мучению, а нам обещает блаженство. Анна, когда живет и пишет, часто принимает себя за растения земли: за травинку, за веточку чинары, за соцветие магнолии, за безымянный стебелек. Что ж, она, видимо, из них, из чистейших земных прорастаний, не знающих зла и корысти, имеющих в виду лишь зеленеть на благо глазам, даже под небрежной ногой незоркого прохожего, – лишь зеленеть победно и милосердно.

Вот мы – соучастники сборищ.
Вот Анна – сообщник природы,
всего, с чем вовеки не споришь,
лишь смотришь – мгновенья и годы.
У трав, у луны, у тумана
и малого нет недостатка.
И я понимаю, что Анна –
явление того же порядка.
...В ней чудно слова уцелели,
сколь есть их у Грузии милой,
и раньше – до Свети-Цховели,
и дальше – за нашей могилой.

Белла Ахмадулина

Анна КАЛАНДАДЗЕ

Влагой полны еще чашечки роз
И не просохла дорога...
Вымокла странница божья насквозь,
Мне бы согреться немного!

С первым лучом –
И откуда взялась? –
Пала в колени... Да ты ли?
Божья коровка!
Но как твой атлас
Ливни ночные не смыли?

Божья коровка,
Да где ж ты была,
Где ты спала, ночевала?
Радость какая тебя увлекла,
Если бы ты рассказала!

Влагой полны еще чашечки роз
И не просохла дорога...
Сад обошла и вокруг, и насквозь.
Вымокла странница божья от слез.

Божья коровка!
Божья коровка!
Где ты, скажи, ради бога!

ШЛА ГОРАМИ НИНО

Синь вершин молоком облаков
обволакивал ветер,
И когда уже розы в долине алели,
Снег лежал на горах Джавахети,
А в лесах ураганы ревели.
Ветер гнал облака, проклинал – и они
на ветру обгорали.
Обыскал Параванское озеро в поисках
гостыи незваной.

Шла горами Нино, шла горами,
Крест лозы, крест тяжелый несла,
крест желанный.
Чужестранкой дивилась она на снега...

И закралась тревога:
Снег в горах не лежит, если роза
в садах заалела...
Пастуха вопрошала: Которая в Картли дорога?
И пастух отвечал ей: Любая – ведь ты
в Сакартвело!

Вдруг устала... И только уснула
в саду придорожном
Только пшат своей тенью укрыть
ее низко нагнулся,
Как предстал перед путницей нашей,
Но кто же предстал ей, но кто же?
– Не страшись! – ей сказал... И это был
глас Иисуса.

Пробудилась... Кольнула тоска по родным,
по единым на свете
Но великую веру имела,
и листья лозы зеленели.
Снег лежал на горах Джавахети,
А в лесах ураганы ревели...

* * *

О жизнь моя, мы служим ураганам,
Исчезнувшим, разбитым, безымянным,
Рассеянным в краях земных, небесных
И одиноко прячущимся в безднах.
Полна их ожиданием и верю.
Цветок замерзший сердцем отогрею.
Вольно ж таких преследовать туманам!
О сердце!
Мы же служим ураганам!

* * *

Это миндальное тонкое и низкорослое
деревце,
Словно отшельница, нежно возросшая
в горной обители,
Может, кому-то холодным,
надменным покажется,
Как и вершина горы Саркине,
только если б вы видели!

Видели б вы, как встречает оно, это деревце,
Ветер из Цхалтби – буяна, безумца,
обидчика...
Ветер могучий, уж если ты любишь, скажи ему,
Если ты любишь, скажи без утайки,
не скрытничай!

Переводы Аллы Ахундовой

Ты такое глубокое,
небо грузинское,
ты такое глубокое и голубое.
Никто из тех, кто тебе грозился,
приюта не обрел под тобою.
Ни турки, ни персы
и ни монголы
не отдохнули под тобой на траве,
не заслонили цветов магнолий,
нарисованных на твоей синеве.
Ошки,
и Зарзма,
и древний Тао
поют о величье твоём,
о небо!
Птицы в тебе летают
и теряются в тебе,
голубом...

ЗВЕЗДЫ
Апрельская тихая ночь теперь.
Те птицы и эти
свои голоса сверяют.
О звезды, –
невозможно терпеть,
как они сверкают,
как они сверкают!
Земле и небу
они воздают благодать
и, нарушая
темноту этой ночи,
сверкают,
сверкают –

издалека видать! –
мои звезды
и твои очи.
Теперь апрельская тихая ночь,
и глаза
к ней медленно привыкают.
О звезды –
мне это все невмочь, –
как они сверкают!
Как они сверкают!

Как пелось мне и бежалось мне,
как хотелось
петь и бежать!
Недоверчивой и безжалостной
мне никогда не бывать.
Когда месяц встает
за крепостной стеной
Орбелиани,
там,
вдалеке,
я, как дудка, следую за тобой
и отражаюсь в реке.
Идешь ли ты за арбою,
или у родника
стоишь, –
я иду за тобою,
и походка моя легка.
Недоверчивой и безжалостной никогда
мне не бывать
с тобой.
Поверь,
когда засияет звезда
предрассветная
во мгле голубой, –
это ты мне свой посылаешь привет,
просишь помнить,
не забывать.
Недоверчивой и безжалостной –
нет! –
мне никогда не бывать!

Вот я стою – ни женщина, ни девочка,
И ветер меня гладит по плечам.
Я – маленькая, маленькая веточка.
Садовник, утоли мою печаль.

Садовник, заслони меня от ветра:
Мои он разоряет лепестки.
Что сделаю я, маленькая ветка?
Ведь у меня ни слова, ни руки.

О, подойди, скажи: не солгала ты,
Ты – маленькая веточка, прости.
А ветер – он буян и соглядатай,
И ты меня от ветра защити.

Свирель поет печально,
стройно,
и птица напрягает мускулы.
О, как задумчиво и строго
акация

внимает музыке.
Взлетает птица
выше,
выше,
туда,
где солнце и цветенье,
а маленькая ветка вишни
хранит ее прикосновение

Переводы Беллы Ахмадулиной

Двух миров я граница.
Я двух мирозданий примета...
Отчего так страдаешь ты, сердце?
Солнце мертвых я, солнце лишившихся света,
воробьиное племя
в лучах моих вздумало греться...
Набухает уснувшее семя травы корчиоты,
пар от вздохов земли проплывает...
Трав дыхание слышу, и вновь отчего-то
мое сердце страдает...
Спит под пенье ручья коростель.
Уже позднее время...
Птичьим гомоном полнятся сизые дали.
С ветки розы отцветшей засохшее семя
воробьи поклевали...
Двух миров я граница. И все не найду я ответа:
отчего так страдаешь ты, сердце?
Солнце мертвых я, солнце лишившихся света,
воробьиное племя
в лучах моих вздумало греться...

Шиповник в зарослях просвечивал,
и сумрак полон был тщеты...
Цветы ушли... Искать их нечего.
О, где же все-таки цветы?
Хребты белеют среди мрака,
в долине – все скупей лучи...
– О, не страшитесь, дети праха,
от рая у меня ключи! –
Мертво ущелье в лунном свете,
исчезли листья, словно дым...
О тайне рождества и смерти
гадает в тучах серафим,
с безрадостного неба вечером
с тоской взирая на хребты...
Шиповник в зарослях просвечивал,
и сумрак полон был тщеты.

Переводы Елены Николаевской

Анна Каландадзе родилась 15 декабря 1924 г. в селе Хидистави Озургетского района в крестьянской семье. Окончила среднюю школу в Кутаиси. Писать стихи начала в 11 лет. Окончила филологический факультет ТГУ. Начала печататься с 1946 г. С 1952 г. работала в отделе лексикологии Института языкознания Академии наук Грузии. Автор стихотворений, поэм, поэтических переводов, статей, эссе, воспоминаний. Кавалер ордена «Знак Почета» (дважды), ордена Чести, лауреат Государственной премии Грузии, Государственной премии им. Ш. Руставели, премии им. Галактиона Табидзе, литературной премии «Саба», Почетный гражданин Тбилиси, академик. Стихотворения переведены на русский, английский, французский, польский и др. языки. Скончалась 11 марта 2008 г. Похоронена в Пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии Мтацминда.

ЛЮБОВЬЮ ЗА ЛЮБОВЬ

Однажды Алиса Фрейндлих сказала: «Если бы я не родилась в Питере, то выбрала бы для жительства Тбилиси или Лондон». Ну, Лондон, это, пожалуй, понятно – кто только ни писал о сходстве двух столиц – Северной и Альбиона.

А почему Тбилиси? Может быть, потому что Грузия вошла в ее жизнь с детства?

Тетя Алисы, старшая сестра отца, вышла замуж за сокурсника по Ленинградской консерватории. Сокурсник был из Тбилиси, и в большой немецко-русской семье Фрейндлих-Федоровых зазвучала грузинская речь.

«Мой дядя Ираклий Сулханишвили был великолепным человеком, – вспоминала

Алиса Бруновна. — Между прочим, он научил меня произносить фразу, в которой присутствуют все сложности фонетики грузинского языка. На этой фразе проверяют, способен ли человек изучить грузинский язык. Бакаки цкалши кикинебс. Я смогла ее произнести. И сейчас смогу».

Потом тетя Ция и дядя Ираклий переехали в Тбилиси, и школьные каникулы Алиса теперь проводила в Грузии. И, конечно, каждое утро она просыпалась от традиционного тбилисского крика «мацони, мацони!», который поначалу ее даже

напугал... Затем последовали каникулы студенческие, тоже в Грузии, и — Черное море, которое Алиса полюбила навсегда. Как и цинандали, мукузани, сациви, хачапури и шашлыки. «В Грузии необыкновенная кухня. Давно восхищаюсь грузинскими блюдами», — признается актриса. Конечно, ее восхищение вызывали далеко не только блюда: «Я помню, сколько слез пролила, смотря фильм «Георгий Саакадзе». Так играть, как Верико? Никогда в жизни так не смогу».

Приезжала ли она сюда на отдых, на съемки или гастро-

ли — как актриса театра имени Ленсовета, а потом и БДТ, Алису Фрейндлих здесь встречали только с любовью, только с нежностью.

«Мы много раз бывали в Грузии, — рассказывает Алиса Бруновна. — Ваше гостеприимство всегда остается неизменным. Когда грузинские актеры приезжают, мы тоже с любовью их встречаем. Не так ли лучше? Что нас разделяет в такие минуты? Разве что вот эти цветы в вазе, больше ничего. Мы, актеры, по-другому и не представляем себе культурные отношения. А вообще, хорошо бы эти цветы положить на границе — как символ дружбы».

Съемки в картине Георгия Шенгелая «Мелодии Верийского квартала» Алиса Фрейндлих вспоминает очень, очень тепло: «Я летела на съемки зимой, в Тбилиси выпал небывалый снег, и наш самолет посадили на каком-то промежуточном аэродроме. Оттуда повезли на машине, и я прямо с трапа попала в павильон. Меня напоили горячим чаем, в павильоне отгородили уголок и уложили спать на топчане, накрыв одеялом. Все заботились обо мне, и, засыпая, я слышала, как киношники общались почти шепотом, давая мне отдохнуть. Такого не забыть».

Но, увы, именно в Тбилиси с Алисой Фрейндлих и Игорем Владимировым однажды произошла ужасно неприятная история — они стали жертвой разбойного нападения. Грабители, угрожая ножом, сняли с них дубленки. Слух о происшествии разлетелся по городу моментально. Тбилисцы были в отчаянии — они восприняли случившееся не только как преступление, которое у любого нормального человека вызывает возмущение, но и как национальный позор. Ограбить гостей, любимую актрису и выдающегося режиссера? Это было непереносимо. Поймать налетчиков немедленно — это стало для тбилисской милиции делом чести. И сыщики не подкачали. Расследование

Алиса Фрейндлих, Ариадна Шенгелая и Верико Анджапаридзе

провели блестяще и молниеносно. Дубленки вернули владельцам, а преступники отправились в тюрьму — отбывать заслуженное трехлетнее заключение.

Слава богу, что досадный инцидент не повлиял на отношение Фрейндлих к Грузии, и она вместе с Владимировым продолжала к нам приезжать. Их приглашало Театральное общество Грузии и принимал Додо Алексидзе. И они, можно сказать, объездили всю Грузию.

В 1998 году на Тбилисском театральном фестивале Алиса Фрейндлих предстала в роли Леди Макбет в спектакле Темура Чхеидзе. В 2002 году она приняла участие в фестивале «Виват, Санкт-Петербург!», организованном Союзом «Русский клуб» к 300-летию северной столицы (между прочим, Тбилиси первым начал отмечать юбилей любимого города). Два дня подряд на сцене Тбилисского русского театра имени Грибоедова Алиса Фрейндлих и Санкт-Петербургский «Кавалер-дуэт» давали музыкально-поэтический спектакль «Гори, гори, моя звезда», и это были триумфальные показы. А в 2011 году, в рамках очередного Тбилисского театрального фестиваля, нам выпало счастье увидеть спектакль «Дядюшкин сон», главные роли в котором испол-

нили Алиса Фрейндлих и Олег Басилашвили. В зале яблоку негде было упасть и овации не кончались! «Сразу видно, что тбилисский зритель воспитан своим хорошим театром, — сказала Алиса Фрейндлих после спектакля. — Ничто не пропало, ни один поворот, ни наш, ни Достоевского. Все было понятно, принято и уловлено. А о финальных аплодисментах я не говорю — это грузинская горячая кровь».

Больше десяти лет прошло со дня последней встречи. Но... Говорят, добрая энергия способна преодолевать расстояния. В тяжелые для Грузии времена Алиса Фрейндлих направляла эту энергию сюда — друзьям, любимым людям — добрыми мыслями, добрыми пожеланиями. Уверена — все долетало, доходило до адресатов.

«Буквально я не стояла рядом с грузинами в дни потрясений, но мы всегда держали руку на пульсе ваших событий. Страна — понятие абстрактное. А конкретное — это люди, которые здесь живут, которых я знаю, с которыми меня связывает дружба и влюбленность в ваш менталитет. Помню, всякий раз, когда мы уезжали в Грузию, то потом долго-долго, как хвост от кометы, нас сопровож-

С Софики Чиаурели и Кахиа Кавсадзе в фильме «Мелодии Верийского квартала»

С Верико Анджапаридзе и Софики Чиаурели

С режиссером Леваном Глonti в Батуми

ждал шлейф воспоминаний обо всех удивительных встречах, поток добра и дружелюбия, который мы отсюда увозили. Вот это и есть конкретика — то, что вспоминалось и за что болела душа».

Любовью — за любовь, дорогая Алиса Бруновна!

На этом и стоим. Так и живем.

С юбилеем!

«Lapis lazuli»

ЖИВОЕ ПРОСТРАНСТВО «GIFT»

— Инна БЕЗИРГАНОВА

Подвел итоги Тбилисский международный фестиваль искусств имени Михаила Туманишвили «Gift» («Сачукари»), много лет радующий поклонников насыщенной программой и яркими именами. Как обычно, наградили лауреатов. Среди них — знаменитый британский режиссер, офицер Ордена Британской империи, кавалер французского Ордена искусств и литературы, трижды лауреат премии Общества театров West End — премии имени Лоуренса Оливье, обладатель российской специальной премии «Золотая маска» с формулировкой «За выдающийся вклад в развитие театрального искусства» Деклан Доннеллан. «Gift» вручил ему свой приз — «За безупречность в искусстве». Такую же награду получил наш соотечественник — художественный руководитель Тбилисского театра

имени К. Марджанишвили профессор Гоги Маргвелашвили, недавно ставший Почетным гражданином города. Интересно, что фестиваль, начавший свою работу с награждения режиссера, завершился показом его спектакля «Это так (если вам так кажется)» Луиджи Пиранделло. Приз «За безупречность в искусстве» был также вручен великолепному музыканту-джазисту, композитору Давиду Евгендзе.

ДЕКЛАН ДОННЕЛЛАН: «ВНАЧАЛЕ БЫЛО ДЫХАНИЕ»

«Gift», на протяжении многих лет знакомивший нас с прославленными режиссерами (в разное время свои спектакли представили Питер Брук, Анатолий Васильев, Андрей Кончаловский, Дмитрий Крымов, Римас Туминас, Теодорос Терзопулос, Михаил Мармаринос и другие

мастера), в нынешнем году не отступил от своей традиции. В большом зале Silk Factory Деклан Доннеллан показал своего «Царя Эдипа» Софокла, поставленного на сцене Румынского национального театра Крайовы.

Спектакль Доннеллана — прекрасный пример того, как можно, почти ничего не меняя в тексте первоисточника, преодолеть тысячелетия и приблизить коллизии и переживания персонажей ко дню сегодняшнему. Приблизить не формально, а сущностно. Во многом это стало возможно потому, что Доннеллан не просто обратился к интерактиву как к живой театральной форме, но достиг максимального сближения с аудиторией, стерев границы между публикой и происходящим в спектакле, между зрителями и актерами и создав своего рода микс — объединил и тех, и других в едином пространстве. Актеры энергично ведут диалоги, взаимодействуют, врезаются в ряды стоящих зрителей и как бы составляя с ними неделимое целое. Связь актера и публики возникает даже на тактильном уровне. Испытываешь особое чувство сопричастности, когда

артист, исполняющий роль царя Эдипа, неожиданно берет тебя за руку... И ты не только очень близко видишь глаза исполнителя, слышишь его голос, но и осязаешь, чувствуешь биение его пульса.

Действие было разбросано по всему периметру огромного пространства Silk Factory, на котором создатели спектакля обозначили несколько сценических точек. По ходу развития сюжета актеры активно перемещаются по залу, а вместе с ними передвигаются и зрители (на протяжении полутора часов они стоят, лишённые зоны комфорта), не только соперничающие, но как бы соучаствующие в событиях. Спектакль создавался в период пандемии, поэтому в самом начале они попадают в небольшую комнату – больничную палату. И становятся свидетелями того, как медперсонал борется за жизнь пациента. Тут же находится священник, объясняющий публике ситуацию в городе, охваченном эпидемией. В это время в палату входит Эдип и заявляет, что найдет виновного в пандемии – так события древнегреческого мифа как бы переплетаются с трагическими коллизиями XXI века, заостряется проблема ответственности человека за происходящее в мире. Буквально следом за этой сценой публика переходит вместе с актерами в

«Царь Эдип»

большое пространство – здесь в основном и разыгрывается античный сюжет. В спектакле наглядно срабатывает принцип «здесь и сейчас», то есть тотальное присутствие в то время и в том месте, где разворачиваются события. Актеры одеты в современные костюмы – так, царь Эдип (Клаудио Михаил) предстает в образе уважаемого молодого мужчины, облаченного в классическую брючную «двойку», в галстук, Иокаста (Рамона Драгулеску) появляется в эффектном красном вечернем платье. Персонажи эмоционально заряжены – в первую очередь, конечно, царь Эдип, жертва рокового стечения обстоятельств и собственных ошибок. Актер создает вокруг себя мощное энергетическое поле и удерживает вни-

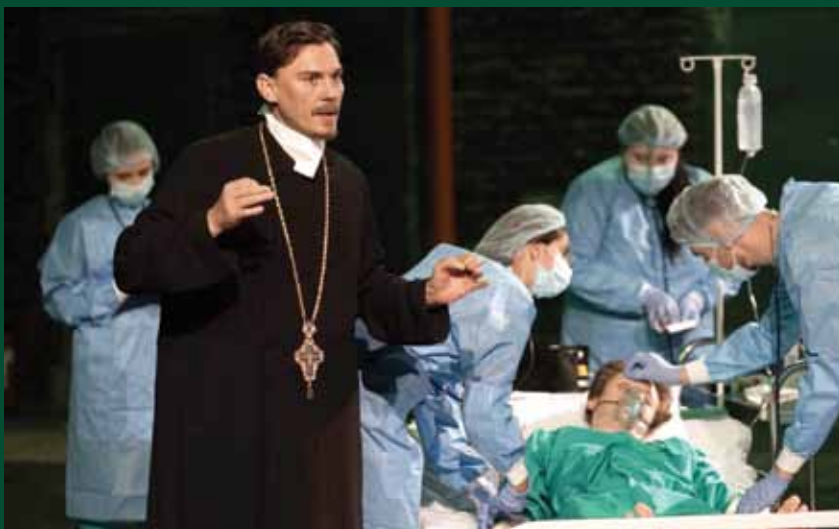
мание аудитории на протяжении полутора часов. В спектакле все предельно обнажено – вплоть до реального обнажения актера в финале, когда царю Эдипу раскрываются все его невольные преступления: убийство отца, женитьба на матери. Как иначе выразить предельное отчаяние? Если бы он мог, то вместе с одеждой содрал бы с себя кожу. Хотя, как известно, Эдип поступает не менее беспощадно – прозрев (то есть узнав о своих грехах), он ослепляет себя. Жаркий, душераздирающий танец окровавленного Эдипа и Иокасты – высшая точка спектакля. Главная мысль его создателей актуальна во все времена: человек несет вину за свои поступки, не боги (даже если рок играет ключевую роль), а сами люди вершат свои судьбы. В финале отчаянию царя Эдипа XXI века становится тесно даже в просторном зале Silk Factory. И герой словно раздвигает стены и выходит за его пределы. В пространство то ли настоящего, то ли будущего. Соединяя эпохи и страны. Вечный Эдип, пока мир стоит.

Соавтор всех работ Деклана Доннеллана – дизайнер **Ник Ормерод**, выступая на пресс-конференции в Университете театра и кино имени Ш. Руставели, отметил минималистичность сценографии спектакля. «Мы полагаемся на само пространство и аудиторию, которая создает визуал. Исходим из реальности и путешествуем в сознание Эдипа».

Деклан Доннеллан: «Это наш первый спектакль, выпущенный после ковида, поэтому он был для нас особенно важен.

«Царь Эдип»

«Царь Эдип»

Мы пришли в хорошо знакомое место, окружение было дружелюбным, так как с Румынским национальным театром Крайовы нас связывают тридцатилетние творческие отношения. Когда мы с Ником выбираем пьесу, то исходим, прежде всего, из актеров. Думаем, какую пьесу они исполняют хорошо. Так мы остановили свой выбор на «Царе Эдипе». В отличие от традиционной театральной модели в нашем спектакле зрители и актеры делят одно пространство. Публика перемещается вместе с актерами и становится частью действия. Думаю, пьеса по-другому живет, когда исполняется в пространстве, в котором зрители передвигаются и наблюдают за актерами с разных точек. Дело еще в том, что зрителей не должно быть много, иначе они не смогут хорошо видеть происходящее. Оно очень захватывает, потому что аудитория становится частью трупы и осознает, что оживающие на сцене трагические события имеют отношение к эпидемии, охватившей город. Видит, что это на самом деле их сегодняшняя проблема, а не события давно минувших лет. Не чужой мир — их мир! Когда мы с Ники поняли, что пьеса Софокла отражает настоящее, то не стали откладывать репетиции. Пьеса остро современна. Поэтому мы решили, что актеры не должны быть одеты в тоги — мы облекли их в современные костюмы. При этом у меня нет никакого месседжа к публике. Его нет ни у Софокла, ни у Шекспира.

Дело не в месседже. Это культурный нарратив, выраженный в словах. Говорить о месседже — все равно что спрашивать у матери, насколько значимы для нее сын или дочь. Она ответит, что не понимает смысла вопроса. Это касается и творчества. Театр мне особенно интересен потому, что позволяет убежать от слов. Слова очень важны, но существует опасная тенденция верить в то, что они в нашем мире — самое важное. Это выражается в библейском утверждении, что «вначале было слово». Неправда, потому что сперва было дыхание, потом — движение... Возьмем, к примеру, ребенка. Дети вначале издают звуки, совершают какие-то действия и только потом формулируют что-то в словах. Мы знаем, что слова могут далеко не все. Трудно произнести: «Я тебя люблю», потому что это ничего не значит. Любовь — не слова, а то, как мы относимся к другому человеку, как о нем заботимся. Поэтому несмотря на то, что те-

атр основан на словах, особенно пьесы, написанные стихом, над которыми мы часто работаем, большие писатели знают, что слова в театре не всемогущи. И нужно обратить внимание на тело. В каком пространстве находитесь, как дышит аудитория. Слова иногда заставляют уйти от близости с ней. Текст нужно вводить тогда, когда понимаешь то, что делаешь. Слова могут обмануть, язык тела — никогда.

Человеческий опыт не может быть передан с помощью речи — он передается другими средствами, и это есть именно то, чем мы занимаемся в театре. Используем слова, другие инструменты и средства выразительности, но главное — стараемся поделиться со зрителем опытом... Текст для меня — тело без души. Не существует живое слово само по себе. Это наше дело — убрать «слово» и превратить его в «действие». Мы осуществляем своего рода реинкарнацию. Люди на протяжении веков не меняются, и наша задача — давно написанный текст соотнести с современностью и по-новому осмыслить, придать ему новое значение. Мы должны из всего текста оставить на сцене действительно важное. Актер должен сам прочувствовать процесс и сделать слово своим. Только художественными средствами мы можем явить собственный, живой характер обществу. Твоя внутренняя жизнь не может быть сама по себе, она должна быть связана с окружающим миром, и только тогда возможны жизнь и единение. Самое токсичное для режиссера и актера — когда они думают, что их внутренний мир

«Lapis lazuli»

«Lapis lazuli»

существует только для них, а не для того, чтобы быть художественно выраженным. Смерть – когда пространство уходит из твоих рук, когда ты его теряешь, теряешь контроль над ним.

В творческом процессе режиссер переплетен с актерами. Поэтому так важны взаимоотношения в процессе работы. Это свобода и необходимость. И важно понять, почему иногда не возникает правильных взаимоотношений. В этом главная проблема и сложность. Связь актера и режиссера – как эхо. Тут все определено: или союз, или смерть. При этом актеры и режиссеры должны быть внутренне освобожденными личностями. Молодые режиссеры боятся, что не ощущают себя до конца, хотят быстрее наполниться эмоциями, хотя чувство самодостаточности очень опасно, ведь будучи наполнен мыслями и эмоциями, всего не увидишь. Необходимо быть полностью освобожденным».

Деклан Доннеллан написал немало книг, касающихся актеров, аудитории и творческого процесса. По мнению режиссера, при выборе актера на ту или иную роль в спектакле очень важен эмоциональный фон, ведь исполнитель вместе с режиссером и остальными участниками постановочного процесса должен, прежде всего, эмоционально выстроить свое существование и выразить это своими средствами. Театр – искусство не только для аудитории, но и для актеров. «Некоторые молодые режиссеры считают, что самое значимое – их идеи.

Хотя никого на самом деле они не интересуют. Главное – то, что происходит реально на сцене, а не какие-то отвлеченные идеи. Аудитория должна быть в поле нашего внимания, но при этом мы не должны пытаться что-то объяснять зрителям. Речь идет об эмоционально открытых взаимоотношениях. Сегодня этого очень не просто добиться: режиссеры отдаляются от аудитории, что является неправильным решением. И это самое опасное в нашем процессе».

Ник Ормерод: «О пространстве нужно думать с самого начала работы над спектаклем. Но местом эксперимента становится сцена – пространство рождается в творческом процессе, работа становится более комплексной, когда на площадке актеры и идет игра. Деклан в своей книге пишет о физическом пространстве. А оно создается, в том числе, из мыслей, чувств, волнения актеров... По Доннеллану, живой творческий процесс никогда не должен останавливаться».

ЕВРИПИД ЛАСКАРИДИС: «LAPIS LAZULI – СИНТЕЗ ЗЕМНОГО И НЕБЕСНОГО»

Свою дьяволиаду «Lapis lazuli», замешанную на бурлескной клоунаде, поразительных визуальных эффектах и черном юморе, представил известный греческий хореограф, режиссер, актер Еврипид Ласкаридис (греческая компания OSMASIS). Такое шоу впору смотреть в Хэллоуин. Но договоримся сразу: вся веселая чертовщина в спектакле – это на самом деле

отражение хаотичной, странной, а моментами – чудовищной реальности и нашего подсознания с его страхами и комплексами. Во время спектакля, синтезирующего элементы клоунады, хореографии, цирковых иллюзий, у меня возникали ассоциации то с гоголевскими персонажами из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», то с булгаковской бесовской компанией из «Мастера и Маргариты», то с шабашем Вальпургиевой ночи. Особенно в финале, когда «нечисть» устраивает вакханалию с жертвоприношением животных. Эта сцена скорее забавляет, чем ужасает, ведь из «тушек» поросят и кур сыплются золотые монеты! Просматривается двойственная сущность религиозного культа, совершаемого бесом, – ведь смысл жертвоприношения как раз в искуплении грехов.

Наиболее впечатляющая фигура в представлении – монстр в блистательном воплощении Еврипида Ласкаридиса. Злой дух «Lapis lazuli» – постановщик этого смешного и ужасного шоу со смыслом. В нем несколько раз проигрывается одна и та же сцена разбушевавшейся бесовской стихии. В единый миг все приходит в движение, и руководит этой магической бурей, конечно, монстр! В какой-то момент, не удовлетворенный уровнем игры «исполнителей», он ведет себя как обиженный, недовольный режиссер... и действие репетируется снова!

Захватывает совершенно гоголевская сцена, когда монстр в женском образе является в жилище девушки. Он пытается скрыть свое истинное лицо, но чертовщина все время прорывается в нем звериным рыком. Длинноволосая (напоминающая обликом гоголевскую панночку) девица разгадывает «нечистую» природу визитера и старается себя обезопасить, подпиливая ногти на его чудовищной лапе. Потом и вовсе пытается поджарить, засунув голову оборотня в печь, а в итоге сама проявляет монструозные свойства, угрожая непростому гостю. В спектакле много эффектных трюков и деталей – к примеру, «луна», сбита с «небосклона» выстрелом,

«Это так (если так вам кажется)»

или танец монстра со скелетом – смертью! Тема смерти проходит через весь спектакль «Lapis Lazuli».

Для Ласкаридиса важнее всего игра, позволяющая выявить двойственную человеческую природу. В самом названии спектакля – «Lapis Lazuli» (это природный минерал синего цвета) – как бы заложено это представление о людской сущности.

«На протяжении веков пигмент lapis lazuli использовался в искусстве – начиная с Месопотамии, Древней Греции, эпохи Ренессанса и кончая современным, современным модернистским и постмодернистским искусством. Для меня же lapis lazuli – символ двойничества, – говорит Е. Ласкаридис. – Это небесный камень, как бы соединяющий земное и духовное. Такое же раздвоение – в моем персонаже, ведь он наполовину человек и наполовину – монстр. В каждом, самом благообразном, человеке, возможно, живет бес, который в любой момент проявится, у тебя может быть человеческое лицо и в то же время сущность монстра».

И все-таки главное в beautiful show Ласкаридиса (одни только немыслимо-выразительные костюмы чего стоят!) – всеограшающая сила искусства и сарказма, избличающего человеческие пороки. Фантазия режиссера неисчерпаема – и зрители, как замороженные, наблюдают волшебные трансформации «Lapis Lazuli». В финале мы видим пестро наряженного монстра – апофеоз челове-

ских грехов. Ведь гиперболизированные демонические образы на самом деле – ужасная действительность грешного мира. Образу монстра в спектакле как бы противостоит розовый морской конек, будто парящий над сценой. Некая вертикаль духовного начала. Хотя, возможно, это слишком умозрительное толкование. Но ведь не все секреты художника нужно раскрывать и разжевывать? Пусть эта магическая тайна Еврипида Ласкаридиса останется неразгаданной.

ГОГИ МАРГВЕЛАШВИЛИ: «МИР ТАКОВ, КАКИМ ОН НАМ КАЖЕТСЯ»

В нашем бестолковом, абсурдном мире, в котором совершенно невозможно разобратся, докопаться до природы явлений и найти истину, какие-то вещи приходится принимать такими, какие они есть, не анализируя действительность и прячась за иллюзиями (у каждого они свои). В элегантно, остроумной и довольно язвительной постановке «Это так (если так вам кажется)» по пьесе драматурга-виртуоза, импровизатора Луиджи Пиранделло Гоги Маргвелашвили соединяет философский посыл и едкую насмешку. Он выводит в спектакле узнаваемое местечковое «блестящее» общество дам и господ, живущее, по сути, сплетнями, интригами и красноречием на театральных подмостках жизни (мы видим «театр в театре» – слева и справа на сцене сидят зрители). Они заполняют свое однообразное бытие почти де-

тективным «расследованием»: пытаются понять, какая из противоборствующих сторон – зять или теща – выдает заведомую ложь или сумасшедшую иллюзию за правду. В главных ролях выступают изумительные актеры – носители школы Михаила Туманишвили – **Русудан Болквадзе** (синьора Фрола, теща) и **Гога Пипинашвили** (синьор Понца, зять), существующие в стилистике легкого гротеска. Герои обвиняют друг друга в безумии: Фрола утверждает, что ее дочь жива и все еще замужем за синьором Понца, а тот в свою очередь убеждает всех в том, что первая его жена, дочь Фролы, скончалась, и он сейчас женат на другой женщине.

Режиссер относится к героям Пиранделло с откровенной, снисходительной иронией, как бы прощая им слабости и пороки. Для него очевидна не только философская истина: «Мир таков, каким он нам кажется» (общеизвестное утверждение субъективных идеалистов о том, что мир – это лишь комплекс наших ощущений), но и другая сентенция: «Мир нужно принимать таким, каков он есть, – впрочем, как и людей со всей их суетностью и несовершенствами». А в сущности – пустотой. Не зря в финале на сцену выносят гроб, в котором якобы находятся останки первой жены Понца. Но он – пуст! Вот и получилось – много шума из ничего. Как раз из «ничего» чаще всего и складывается наша повседневность. Повседневность, включающая самый широкий спектр явлений и отношений.

В программе фестиваля было еще несколько спектаклей грузинских режиссеров. На сцене театра Атонели **Майя Доборджгинидзе** представила драму «Близость» по пьесе знаменитого режиссера и автора современной британской «новой драмы» Патрика Марбера. Его сравнивают, ни больше ни меньше, с Чеховым. Не знаю, насколько корректно такое сопоставление – «Близость» оставила впечатление мелодрамы. Отмечу одно: пьеса и спектакль довольно откровенно отражают сложные взаимоотношения мужчины и женщины, учитывая присущую нашей аудито-

рии сдержанность в вопросах публичного обсуждения сугубо интимных проблем. Откровенность — не в показе эротических сцен, а именно в абсолютной свободе ведения диалогов на пикантные темы. В центре истории — две пары. Персонажи тщетно пытаются выстроить идеальные отношения с возлюбленными, меняются партнерами, а в итоге приходят к выводу, что лучшее решение — жизнь врозь, одиночество. Потому что «в музыке только гармония есть», как поется в известной песне. Меня удивила лаконичная сценография спектакля — все происходит вокруг или внутри автомобиля (художник **Шота Багалишвили**). Перед началом аудитории буквально накрывают световая пульсация, монотонный звук и сильная вибрация, что должно, видимо, подготовить к вибрациям отношений, эмоций, мыслей в спектакле.

Еще более острая тема (в духе современных веяний) затронута в психологической драме худрука Тбилисского театра киноактера им. Михаила Туманишвили **Вано Хуцишвили** «Бесхарактерный» по пьесе Алекса Чигинадзе. В спектакле показаны глубокие переживания деревенских родителей (как всегда, достоверны **Нинели Чанкветадзе** и **Гога Пипинашвили**), потерявших сына: то ли он был убит, то ли добровольно ушел из жизни. Корни трагедии — в его нетрадиционной ориентации. Стереотипы и предубеждения окружающей среды (сын стал изгоем, объектом жестокой травли) привели к беде. В спектакле показано, как родители, с трудом преодолевшие консервативные взгляды и предрассудки, в конце концов вынуждены смириться с выбором сына. Но его уже не вернуть...

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЕКТЫ «GIFT»

Не изменил «Сачукари» и своей давней традиции международных контактов, подготовив вместе с Аргентинским международным театральным фестивалем FIT Córdoba Mercosur и Исследовательским центром исполнительских искусств Кордовы La Parisina Casa de Arte перформативный показ

«Это так (если так вам кажется)»

«POSTHUMOUS» («Рожденный после смерти»).

Это пока лишь заявка на будущий спектакль, в котором главную роль сыграет молодая яркая актриса **Тамара Бзиава**. Режиссер — автор пьесы **Игнасио Таманго** (Аргентина), выпустивший спектакли на многих сценах мира (его представила генеральный менеджер фестиваля **София Тортладзе**). Остросоциальная драма «POSTHUMOUS» посвящена проблемам современной молодежи, сталкивающейся с экстремальной реальностью, пытающейся ей противостоять, найти себя в сложном, непредсказуемом мире. «POSTHUMOUS» отражает протест представителей нового поколения. Героиня пьесы, оказавшаяся в духовном кризисе, совершает самоубийство. Отец в какой-то момент теряет связь со своим ребенком, и она решается на этот роковой шаг. Пьеса «POSTHUMOUS» — одна часть трилогии Игнасио Таманго. Две другие готовятся к постановке в Уругвае и Испании.

«Я счастлива, что в 1988 году была с Тбилисским театром киноактера в Аргентине, мы выступали в Буэнос-Айресе — городе, очень похожем на Париж, — вспоминает худрук фестиваля «Сачукари» режиссер, актриса **Кети Долидзе**. — И сегодня у нашего театра появился реальный шанс продолжить сотрудничество с этой замечательной страной — поставить совместный спектакль. На протяжении целого ряда лет мы привозили в

Грузию потрясающих режиссеров, необыкновенные труппы и спектакли. За всю долгую историю своего существования наш фестиваль осуществил немало проектов копродукции. Надеюсь, эта традиция продолжится».

В рамках «Сачукари» произошло еще одно необычное событие. При поддержке Посольства Италии в Грузии стартовал проект «GIFT Biennale college», аналог молодежной программы Венецианской биеннале, которая включает в себя конкурс для молодых творцов. Посол Италии **Массимилиано Д'Антуоно** присутствовал на презентации, которую провели художественный руководитель театрального направления Венецианской биеннале, актер и драматург **Джанни Форте** и международный директор фестиваля **Микеле Панелла**. Они подробно рассказали об условиях участия в конкурсе. Был также подписан важный документ — меморандум о сотрудничестве между Театром киноактера имени М. Туманишвили и Международным фестивалем искусств имени М. Туманишвили «Gift». Целью меморандума как раз и является проведение конкурса театральных инициатив молодых грузинских режиссеров в рамках проекта «Gift Biennale College». Международная дирекция фестиваля «Gift» назовет победителя, которому вручат приз в размере 20 000 лари. Проект-победитель будет реализован в Театре киноактера и представлен на фестивале «Сачукари» в 2025 году.

ЗВЕЗДА НАДЕЖДЫ

— Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

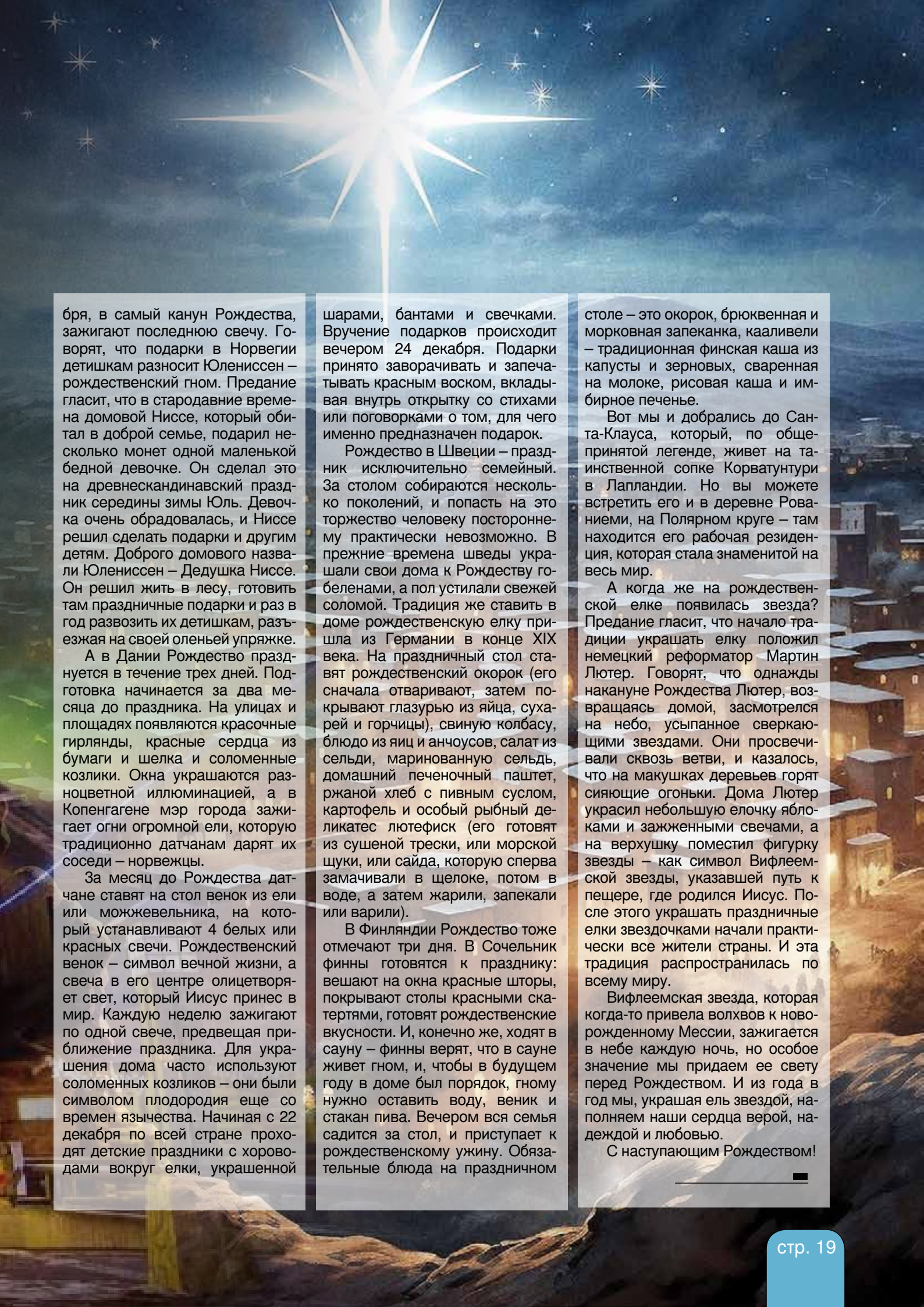
25 декабря католики, протестанты и представители некоторых других религиозных конфессий ждут с большим нетерпением, чем даже Новый год. В честь торжества миллионы людей украшают свои дома, наряжают елки, избегают ссор и дурных мыслей, готовят подарки близким, пекут имбирные пряники и собираются семьями за рождественским ужином.

К сожалению, вселенская радость — Вифлеемская звезда, или Звезда Рождества — исчезла с небосклона, исполнив свое пророчество, но ее отсвет поражает своей красотой в чуде Северного сияния, которое мы можем наблюдать с сентября по март на Скандинавском полуострове.

Интересно, как в этом прекрасном месте северо-западной Европы отмечают столь важный праздник для многих христиан мира?

В Норвегии главный символ Рождества — красиво украшенная елка. По старым традициям, ее наряжают 23 декабря. В этот день принято есть рисовую кашу с корицей и печь с детьми пряничный домик. Окна домов норвежцы украшают Адвенскими огнями — это украшение из четырех свечей, расположенных пирамидкой. За четыре недели до праздника в норвежском доме в воскресенье зажигают свечу и каждую неделю добавляют к ней новую. Первая из четырех свечей символизирует надежду (пришествие Христа в мир), вторая — веру (напоминание о пути, который преодолели в своей вере Мария и Иосиф до Вифлеема), третья — радость (чувство, которое испытали пастухи, услышав о пришествии в мир Спасителя) и, наконец, четвертая свеча — мир (она называется ангельской, потому что именно ангелы возвестили пением о рождении Иисуса). В четвертое воскресенье дека-

бря, в самый канун Рождества, зажигают последнюю свечу. Говорят, что подарки в Норвегии детишкам разносит Юлениссен – рождественский гном. Предание гласит, что в стародавние времена домовый Ниссе, который обитал в доброй семье, подарил несколько монет одной маленькой бедной девочке. Он сделал это на древнескандинавский праздник середины зимы Юль. Девочка очень обрадовалась, и Ниссе решил сделать подарки и другим детям. Доброго домового называли Юлениссен – Дедушка Ниссе. Он решил жить в лесу, готовить там праздничные подарки и раз в год развозить их детишкам, разъезжая на своей оленьей упряжке.

А в Дании Рождество празднуется в течение трех дней. Подготовка начинается за два месяца до праздника. На улицах и площадях появляются красочные гирлянды, красные сердца из бумаги и шелка и соломенные козлики. Окна украшаются разноцветной иллюминацией, а в Копенгагене мэр города зажигает огни огромной ели, которую традиционно датчанам дарят их соседи – норвежцы.

За месяц до Рождества датчане ставят на стол венок из ели или можжевельника, на который устанавливают 4 белых или красных свечи. Рождественский венок – символ вечной жизни, а свеча в его центре олицетворяет свет, который Иисус принес в мир. Каждую неделю зажигают по одной свече, предвещая приближение праздника. Для украшения дома часто используют соломенных козличков – они были символом плодородия еще со времен язычества. Начиная с 22 декабря по всей стране проходят детские праздники с хороводами вокруг елки, украшенной

шарами, бантами и свечками. Вручение подарков происходит вечером 24 декабря. Подарки принято заворачивать и запечатывать красным воском, вкладывая внутрь открытку со стихами или поговорками о том, для чего именно предназначен подарок.

Рождество в Швеции – праздник исключительно семейный. За столом собираются несколько поколений, и попасть на это торжество человеку постороннему практически невозможно. В прежние времена шведы украшали свои дома к Рождеству гобеленами, а пол устилали свежей соломой. Традиция же ставить в доме рождественскую елку пришла из Германии в конце XIX века. На праздничный стол ставят рождественский окорок (его сначала отваривают, затем покрывают глазурью из яйца, сахаром и горчицей), свиную колбасу, блюдо из яиц и анчоусов, салат из сельди, маринованную сельдь, домашний печеночный паштет, ржаной хлеб с пивным сусликом, картофель и особый рыбный деликатес лютефиск (его готовят из сушеной трески, или морской щуки, или сайды, которую сперва замачивали в щелоке, потом в воде, а затем жарили, запекали или варили).

В Финляндии Рождество тоже отмечают три дня. В Сочельник финны готовятся к празднику: вешают на окна красные шторы, покрывают столы красными скатертями, готовят рождественские вкусности. И, конечно же, ходят в сауну – финны верят, что в сауне живет гном, и, чтобы в будущем году в доме был порядок, гному нужно оставить воду, веник и стакан пива. Вечером вся семья садится за стол, и приступает к рождественскому ужину. Обязательные блюда на праздничном

столе – это окорок, брюквенная и морковная запеканка, кааливели – традиционная финская каша из капусты и зерновых, сваренная на молоке, рисовая каша и имбирное печенье.

Вот мы и добрались до Санта-Клауса, который, по общепринятой легенде, живет на таинственной сопке Корватунтури в Лапландии. Но вы можете встретить его и в деревне Рованиemi, на Полярном круге – там находится его рабочая резиденция, которая стала знаменитой на весь мир.

А когда же на рождественской елке появилась звезда? Предание гласит, что начало традиции украшать елку положил немецкий реформатор Мартин Лютер. Говорят, что однажды накануне Рождества Лютер, возвращаясь домой, засмотрелся на небо, усыпанное сверкающими звездами. Они просвечивали сквозь ветви, и казалось, что на макушках деревьев горят сияющие огоньки. Дома Лютер украсил небольшую елочку яблоками и зажженными свечами, а на верхушку поместил фигурку звезды – как символ Вифлеемской звезды, указавшей путь к пещере, где родился Иисус. После этого украшать праздничные елки звездочками начали практически все жители страны. И эта традиция распространилась по всему миру.

Вифлеемская звезда, которая когда-то привела волхвов к новорожденному Мессии, зажигается в небе каждую ночь, но особое значение мы придаем ее свету перед Рождеством. И из года в год мы, украшая ель звездой, наполняем наши сердца верой, надеждой и любовью.

С наступающим Рождеством!

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Они были одной из самых красивых пар грузинского и советского кинематографа. Если во Франции были Ален Делон и Роми Шнайдер, Катрин Денев и Марчелло Мастоияни, в Великобритании – Вивьен Ли и Лоуренс Оливье, в Голливуде – Элизабет Тейлор и Ричард Бартон или, скажем, Брэд Питт и Анджелина Джоли, то в Грузии была свой звездный союз – Отар Коберидзе и Лия Элиава. Эффектная супружеская чета мегаталантливых актеров.

В этом году грузинское кино отмечает сразу два юбилея: в мае – 90-летие со дня рождения Лии Элиава, а в декабре исполняется 100 лет со дня рождения Отара Коберидзе. Столько лет прошло, а история их любви до сих не отпускает Грузию. Более того: о ней до сих пор ходят легенды.

ОТАР

Отар Коберидзе был знаменитым грузинским актером театра и кино, кинорежиссером и сценаристом. Он родился 17 декабря 1924 года в Тбилиси и очень рано стал сиротой: сначала потерял отца, а вскоре и мать. Но это не огрубило натуру юноши: коллеги и друзья вспоминали Отара как очень доброго, отзывчивого и душевного человека, который всегда спешил на помощь, будь то съемочная площадка или реальная жизнь. Но стоило взглянуть в грустные глаза этого красивого молодого мужчины, и ты понимал, как много боли выпало на его долю.

В том, что парень увлекся кино, «виноват» культовый грузинский кинорежиссер Николай Шенгелая. Именно он пригласил 17-летнего Отара сыграть партизана в фильме «В черных горах» в 1941 году. Коберидзе влюбился в кино и поступил в актерскую школу, а Шенгелая стал его наставником. Но смерть словно привыкла отнимать у Отара самое дорогое – отняла и учителя. Николая Шенгелая не стало в 1943 году, когда он снимал свой фильм «Он еще вернется». Коберидзе онемел от горя. Бушевала Вторая мировая война и, едва достигнув призывного возраста, он добровольцем пошел на фронт.

Ускоренные артиллерийские курсы, командование взводом. Отар Коберидзе со Вторым Украинским фронтом освобождал Украину, Восточную Европу и брал Берлин. К слову, в 1979 году Коберидзе сам снимет военную драму «Ждите связного» об этих страшных событиях.

Но война закончилась, и Отар вернулся домой. Вернулся сильным, красивым, полным грусти и мудрости. В 1948 году, окончив Школу киноактеров при Тбилисской киностудии (позже – студия «Грузия-фильм»), стал актером Сухумского драматического театра. Вскоре Отара, естественно, заметили режиссеры, и очень быстро он стал невероятно востребован в кино. Его жанром были в основном исторические картины: боровшийся против угнетателей-персов Баши-Ачук, яростный, но гуманный воин Мамлюк, полный гнева сын белоэмигранта,

обретший совесть и родину в фильме «Я скажу правду».

Коберидзе несравненно воплотил прекрасные, мощные образы в картинах «Судьба женщины», «Дети моря», «Берега», «Чужие дети», «Волшебная лампа Аладдина» и многих других. Всего он сыграл более 50 ролей в кино.

Отар Коберидзе был звездой не только в Грузии, его с удовольствием приглашали и в международные проекты, в которых он мог конкурировать с актерами мировой величины. Так, Отар сыграл итальянского солдата в последнем фильме Джузеппе Де Сантиса «Они шли

на Восток». В приключенческом фильме «След сокола» актер исполнил роль индейца по имени Неистовый Конь (его партнерами стали Гойко Митич и Барбара Брыльска). Была в его карьере и замечательная роль итальянского техника Чечони в драме «Красная палатка», где также играли Шон Коннери, Клаудия Кардинале и Питер Финч.

Полностью реализовавшись как актер, Коберидзе с 60-х начал пробовать себя в амплуа режиссера-постановщика («Мечте навстречу», «Операция «Вундерланд»») и сценариста («Ждите связного», «Роковой выстрел»). Был в яркой жизни

Отара Коберидзе и театр: артист служил в Тбилисском театре имени К. А. Марджанишвили, а также сыграл на сцене русского театра им. А. С. Грибоедова.

ЛИЯ

Актриса театра и кино Лия Элиава родилась 28 мая 1934 года в Тбилиси, в семье революционера и партийного деятеля Шалвы Элиава, занимавшего пост председателя Совета народных комиссаров Грузинской ССР.

Детство Лии трудно назвать безоблачным. Отца, у которого возникли разногласия с Лаврентием Берия, в 1937 году арестовали, предъявив множество обвинений. Через два месяца задержали и депортировали мать. Малышке Лие было всего три года. В памяти остались лишь печальное лицо мужчины, прислонившегося к кровати, и горький запах духов от маминых платьев в шкафу. Девочку вырастили бабушка с дедушкой со стороны матери, которые постарались добавить и подарить ей все, чем она была обделена судьбою.

В 1947 году мать Лии вернулась после девяти лет ссылки. Девочке тогда было 13 лет. Ей рассказывали, что мама у нее красивая, элегантная и жизнерадостная, а на перроне Лия встретила незнакомую женщину, совсем измученную и ни капельки не светящуюся. Девочке потребовалось много времени, чтобы привыкнуть к родной матери.

А между тем ее всегда привлекали кино и театр. После окончания в 1955 году Госинститута театрального искусства (курс учеников К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко), Лия поступила сначала в труппу театра им. К. Марджанишвили, а вскоре стала актрисой театра им. Ш. Руставели.

В кино Лия Элиава снималась с 1956 года, дебютировав в ленте Давида Рондели «Тень на дороге» в роли учительницы Нино. Первую главную роль сыграла в 1957 году в фильме «Судьба женщины».

В числе заметных работ актрисы — «Баши-Ачук» (Мциса и Мтвариса, близнецы-сестры Баши-Ачука), «Мамлюк» (Зейнаб), «Дети моря» (Лейла), «Я вижу

солнце» (тетя Кетеван), «Берега» (Тико Орбелиани), а также «Прерванная песня», «Костры горят», «Багратион», «Круговорот» и др. Всего актриса сы-

грала более сорока ролей. А закончив режиссерский факультет ВГИКа, работала режиссером-постановщиком на киностудии «Грузия-фильм».

«Каждый новый фильм для меня был своего рода путешествием в жизнь — в прошлое и настоящее, будь то опыт простой или трудной, счастливой или трагической человеческой судьбы, — писала в своих воспоминаниях Лия Элиава. — Каждый образ, который я воплотила на экране, мне дорог, потому что каждый из них — часть моей жизни. Однако я до сих пор не сыграла героиню своей мечты. Роли, которые мне предлагают, часто меня не удовлетворяют, но я все равно на них соглашусь. Я знаю, что это компромисс, но не могу жить без кино».

Кстати, мало кто знает, но в жилах Лии Элиава текла и английская кровь. Однажды англичанка Анна Шелли познако-

милась с князем Тусишвили в Тегеране. Они поженились, и в браке родилась дочь Анна. Приехав в Грузию, Анна Тусишвили родила Иване Кереселидзе, известного общественного деятеля. Он приходился дедушкой матери Лии, Екатерине Кереселидзе.

НАЧАЛО БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ

Ирония судьбы: однажды юную Лию отвела на выпускной бал актерского кружка при киностудии подруга мамы, Нина Степанова, которая преподавала там пластику и танцы. На сцене испанский танец исполнял прекрасный юноша, от которого Лия не могла оторвать взгляда. Во второй раз она увидела этого же актера во время гастролей Сухумского театра. На сцене он играл главную роль в спектакле «Дон Сезар де Базан». Этим юношей был Отар Коберидзе. Тогда Лия даже не представляла, что судьба свяжет ее с этим красивым и талантливым человеком навсегда.

А Отар Коберидзе, который не жаловался на отсутствие женского внимания из-за своей привлекательной внешности, рассказывал, что когда впервые

увидел малоизвестную тогда актрису Лию Элиава на съемках «Баши-Ачука», то буквально остолбенел. Девушка была невероятно красива. И это была любовь с первого взгляда.

Лия Элиава и правда обладала удивительным обаянием. Ее нежность, элегантность и красота не оставляли равнодушным никого. При этом она была удивительно изысканной и сдержанной.

Красотой Лии Элиава восторгались не только мужчины. Режиссер Лага Гогоберидзе так вспоминала первую встречу с актрисой: «Впервые я встретила Лию много лет назад, когда училась во ВГИКе и ехала из Москвы в Тбилиси на поезде. Я вошла в купе и встретила настоящее чудо – очень молодую женщину, почти девочку, которая как будто светила изнутри. С первой минуты у меня возникло странное ощущение: она не из этого купе, не из этого поезда, не из этой жизни...»

Неудивительно, что между Элиава и Коберидзе моментально возникла, как говорят, «химия». Ее ощущали буквально все, сначала на съемках «Баши-Ачука», а потом и «Мам-

люка».

Но все было не так просто: за спиной у Лии был распавшийся брак, а Отар был женат. Однако чувства между актерами были настолько сильны, что Коберидзе ушел из семьи. Он понимал – Лия и есть его судьба.

«После первого неудачного брака я уже и не думала о создании семьи, но Отар так настойчиво и так красиво просил меня выйти за него замуж, что я не смогла ему отказать, – писала в своих дневниках Лия. – Мы поженились во время съемок «Мамлюка». Когда фильм вышел на экран, у нас родилась любимая дочка Нана».

Так начиналась история про никновенной любви, которая продлилась до конца жизни.

Оба актера много работали – вместе и по отдельности, чете часто приходилось бывать вне дома. Отар снимался в России, Литве, Таджикистане, Италии. Лия – также в России, Азербайджане, Армении. Иногда супругам приходилось расставаться надолго, но тогда каждая встреча была еще более сладостной.

«Отар возвращался домой необыкновенно галантным, по-прежнему внимательным, как и

в первые дни после женитьбы, — вспоминала Элиава. — Каждая новая встреча наполняла нас новыми эмоциями».

Отара Коберидзе и Лию Элиава окружало множество людей. Они получали письма со всего Советского Союза, в которых поклонники и поклонницы выражали им свою любовь.

«Но они настолько любили друг друга и верили друг другу, что в нашей семье не было ревности, — вспоминала их дочь, художница Нана Коберидзе. — Оба прекрасно понимали: если ты актер и выбрал своей второй половиной актера, сомнений быть не должно. Другого пути не было, только если одному из них пришлось бы проститься с кинематографом. Но это было немыслимо для таких красивых и талантливых людей, как мои мама и папа».

При этом дочь актеров вспоминает, что многие женщины были без ума от ее отца: «Отец был так красив, что никто не мог устоять перед искушением. У него было ненормально огромное количество поклонниц, и он получал много писем. Мама, конечно, знала, но у нее не было с этим проблем».

Кстати, с Коберидзе и его

безумной популярностью связана одна красивая история. Однажды итальянские папарацци сфотографировали Отара, когда тот обнимал, утешая, мировую кинозвезду, плачущую Орнеллу Мути. С прекрасной итальянкой Отар снимался в картине «Жизнь прекрасна». Как рассказывал позже Коберидзе, Орнелла Мути пожаловалась ему на то, что муж не разрешает ей видеться с ребенком и вымогает у нее деньги. Грузин просто не мог не успокоить женщину. На следующий день таблоиды опубликовали их фотографию на обложках с подписью «Орнелла со своей седобородой любовью».

КОНЕЦ БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ

Последним фильмом Лии Элиава стала картина Гиули Чохонелидзе «Антимоз Ивериели», в которой она сыграла роль монахини. На киноэкраны лента вышла уже после ее смерти.

Ранее она сыграла главную роль в фильме Марины Цурцумия «Только смерть приходит обязательно» с Тенгизом Арчвадзе. Съемки проходили в 1991-92 годах. Это были самые тяжелые годы для актрисы, которая мучительно переживала потря-

сения гражданской войны. Тогда у Элиава и случился первый сердечный приступ. Здоровье серьезно пошатнулось. Лия так и не выкарабкалась. Актриса ушла из жизни в 1998 году, в возрасте 64 лет. Ее сердце остановилось во сне.

Отар долго оплакивал жену. Он говорил: «Лия была сутью моей жизни, моим дыханием». Он очень тосковал по жене, писал ей письма, часто ходил на могилу Лии, разговаривал с ней и рассказывал все свои новости...

Отар Коберидзе скончался в 2015 году в возрасте 90 лет. Через два года ушла из жизни и дочь, Нана Коберидзе, плод их с Лией любви...

Говорят, человек, как остров, всегда в одиночестве. Но если Отар Коберидзе и был островом, то Лия Элиава была в его жизни одновременно прекрасной зарей и закатом, с ней он просыпался и с ней засыпал, а еще — теплым приливом, чтобы залечивать раны любимого от горестей жизни. Это слияние и было той большой любовью двух сердец, о которой до сих пор говорят с придыханием и вспоминают с трепетом.

НЕМАЯ МЕРИ

Из цикла «След жизни»

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

Жила у нас в деревне старая дева с необычным именем Кесария, известная тем, что ее крестил прославленный революционер, один из основателей пролетарского государства.

Крестный отец Кесарии дальнейшей судьбой крестницы не интересовался. И не мудрено: сперва он готовил революцию, потом совершал ее и защищал на фронтах гражданской войны, потом устанавливал советскую власть на Кавказе, потом вытаскивал державу из разрухи и ставил на рельсы индустриализации, а когда казалось, что самое трудное уже позади, он вдруг умер от разрыва сердца (как выяснилось впоследствии — застрелился). Неистовый костер его жизни полыхал вдали от родных мест, в столицах и новых больших городах России, и только его малая искорка мерцала и тлела возле нас — Кесария.

Хибара-четырёхстенка, огородец и виноградник на краю леса красноречиво свидетельствовали о том, что Кесария не пользовалась ни покровительством крестного отца (пока он был жив), ни его славным именем: возможно, она знала о горестной судьбе родственников крестного и не хотела ее разделить.

Так или иначе в хибаре на краю леса она пережила злосчастные тридцатые, а потом и войну.

После войны на руках у Кесарии оказались племянницы — Мери и Дарико (что сталося с их родителями, я не знаю), и чтобы прокормить и одеть взрослых девушек, Кесария подрабатывала шитьем. Она ходила по домам, перешивала старые вещи: перелицовывала пиджаки и косоворотки, выкраивала из обветшавших платьев и ночных рубашек детские платьица и распашонки. Чаще всего она

работала у нас. Думаю, что ее привлекала не только веселая общительность бабушки Мариам, но и добротный «Зингер» со складным столом и ножным приводом. Кесария приходила с утра с замшевым саквояжем песочного цвета, набитым заказами соседей. Этот элегантный саквояж, сверкающий медным замком, такой чужеродный в деревенской обстановке, был единственным предметом, косвенно подтверждающим предание о крестном отце; возможно, потому Кесария время от времени демонстрировала его.

В глубине старого дома царил полумрак, а поскольку электричества тогда в деревне не было, швейную машинку для Кесарии ставили в распахнутых настежь дверях залы: сидящая за машинкой сухопарая старая дева как-то бочком косилась из-под очков на жизнь нашего дома, вступая в разговор с каждым, кто попадался ей на глаза. Свидетельница бывшего достатка, она сочувственно и даже виновато подтрунивала над теперешней нашей бедностью. Возможно, в такие минуты тень крестного отца витала над ней, и к победному чувству социальной справедливости примешивалось что-то вроде угрызений совести...

Вместе с Кесарией обычно приходили ее племянницы — Дарико и Мери.

Шестнадцатилетняя Дарико была удивительно хороша: кареглазая, белокожая, с длинной талией и ленивой, замедленной грацией; она спокойно и невозмутимо являла миру свою юную красоту — то ли сонная, то ли флегматичная, чуть зардевшаяся на августовском припеке...

Но мой рассказ не о крестнице прославленного революционера, и даже не о юной красавице, а о ее сестре.

Рядом с Дарико Мери каза-

лась негритянкой, так была темнокожа и толстогуба, так черны были жесткие вздыбленные волосы. У младшей — нежная, кроткая девственность, у старшей — огромные груди, крутые бедра, тяжелые ляжки, мощные торчащие ягодицы — избыток плоти, рвущей застиранный ситец; казалось, она пышет жаром и глухо рокочет, как перегревшийся котел. В минуты покоя лицо Мери походило на маску из темного дерева с внимательными живыми глазами, но по малейшему поводу его искажала гримаса — муки, радости или сострадания, и слышался вопль, похожий на рев медведицы в пчельнике: — Аа-ээ-ыыыы!.. Глухонемая от рождения, Мери даже не пыталась оформить его в членораздельные звуки. — Ыыы-ээ-ааа! — Ничего похожего на слово или хотя бы слог.

Одна только Дарико каким-то чудом понимала сестру, но, усыпленная собственной ленью, одурманенная тайным цветением своей плоти, не обращала внимания, пока Кесария не говорила с досадой:

— Ну же, девонька, проснись! Глянь, чего ей надо!..

Вникая в грубые раскаты сестриногo голоса, пещерно-первобытные в своей бесформенности, Дарико именно смотрела, а не слушала: с таким выражением читают текст на малознакомом языке. Порой она брала старшую сестру за руку и переспрашивала. В такие минуты Мери мычала громче, возмущенно тараша розовые негритянские белки и трагически морща лоб, и топала ногами от нетерпения.

Бабушка Мариам тоже умела общаться с немой, хотя ее общение больше походило на игру: она вслушивалась в ломкие, бесформенные раскаты ее баса и спрашивала с интонацией живейшего интереса:

— Да что ты говоришь?.. А дальше-то, дальше! Да неужели?! — Иногда она смеялась или сокрушенно качала головой, или ласково обнимала немую, а то просто шлепала по задку и с веселой строгостью приказывала: — Ну хватит! Замолчи!.. Разболталась...

Не знаю, понимала ли что-нибудь бабушка Мариам в

«словах» немой, но даже если интерес был наигранный, признательность Мери не знала границ: готовая в порыве благодарности своротить горы, она брала на себя все домашние хлопоты – дойку, кормление поросят. Бабушка Мариам смущенно и весело пыталась ее унять:

– Будет, Мерико!.. Хватит, хватит. Все! Спасибо большое!.. Все! Три мужика столько бы не наворочали. Кесария, уйми свою девку, ни в чем меры не знает. Дарико!..

Не в пример старшей сестре, Дарико не рвалась в помощницы. Она часами стояла против дверей залы и, прислонясь к перилам балкона, с невнятной улыбкой на губах слушала стрекот машинки. Если б не расслабленная поза и равнодушное выражение лица, можно было бы подумать, что она пытается освоить швейное мастерство. Изредка по настоянию тетушки, Дарико брала в зале чонгури и, присев на застеленную паласом тахту, тихонько брэнчала. В такие минуты она походила на юную грузинку с картины художника-этнографа – с тугой косой, удивленными бровями и плотно сдвинутыми пугливыми ногами...

У Мери были другие интересы: ее простому сознанию жизнь представлялась вереницей действий, бесконечной физической работой, и чем труднее была работа, тем нагляднее результат. Тетушку за машинкой и брэнчающую на чонгури сестру она наблюдала с недоумением и осторожным интересом, как нечто загадочное, почти непонятное, тогда как любое проявление силы, даже самое примитивное, вызывало у нее восторг. Работа по дому, большей частью мелкая и кропотливая, не требовала физического напряжения, и в поисках впечатлений она ходила на мельницу: с расширенными от восторга глазами, изумленно приоткрыв рот, наблюдала, как мужчины вразвалку выносят из сруба семипудовые мешки и укладывают на арбы или навьючивают на ослів, и ослы переминаются под грузом и прядают ушами, а быки напрягают шеи. Поскуливая и ломая руки в азарте, она высматривала тех, кто посла-

бее, и спешила на помощь – под добродушные шутки и поощрительные возгласы: «Правильно, Мерико, держи, не пускай! От них, пока сама не ухватишься, проку не будет...»

Пуще мельницы ее радовал заготпункт в пору виноградного сбора, где вручную сгружались тяжеленные плетеные ящики-джины. Она и там любовалась багровыми от натуги здоровяками и норовила помочь им, мало кому уступая в силе... Лишенная женских радостей, обманутая природой, она работой утоляла сокровенную потребность своего могучего тела; при этом так простодушно и непосредственно любовалась проявлениями мужской силы, что смущала наблюдавших за ней. Но подлинный экстаз и умирление Мери вызывал только непосильный для нее подвиг: помню, когда дядя Резо, с сопением орудия пудовым ломом и надрывая жилы, выкорчевал последний дубовый пенёк на заднем дворе, у нее вырвался крик боли и из сияющих глаз брызнули слезы.

Дарико не видела этого подвига и даже не слышала крика; скорее всего и в эту минуту она, как обычно, стояла против дверей залы с невнятной улыбкой на губах, то ли сонная, то ли рассеянная, погруженная в безмятежность цветения...

Такие разные были сестры.

Теперь о том, что особенно врезалось в память, и почему я решил рассказать о немой Мери.

С началом лета к нам отовсюду съезжались городские родственники – привозили своих заморенных детей. Дача – лучше некуда! Обилие фруктов и ягод, родниковая вода и парное молоко, сон на свежем воздухе под теплыми одеялами и прогулки по горам... Старый дом молодец от забот и довольно покряхтывал. Поколения подрастали, проникаясь его снисходительной добротой и уютом, благодатью родного крова.

Тетя Лали привезла из Тбилиси своего первенца. Четыре года она лечила его от мнимых и действительных болезней, хлила и лелеяла и на пятом году рискнула – привезла в дом на горе, куда единственный на округу врач добирался верхом

на гнедой кобыле.

Малыша звали Заза. Это был заласканный ангелочек, весь в локонах и ямочках, с бледной прозрачной кожей и большими карими глазами, опущенными необыкновенно длинными ресницами: помнится, мы клали на них спички, и они не падали, даже когда Заза моргал.

Тетя Лали наряжала его в бархатные штанишки, матроски и тенниски – их еще привозили из Германии демобилизованные офицеры, а Кесария обшивала старинными кружевами его батистовые ночные рубашки. Расчесывание золотых кудрей Зазы было ежеутренним священнодействием, так же, как вечернее умывание и укачивание – он привык засыпать под колыбельную. А весь долгий летний день между двумя священнодействиями жизнь нашего дома вращалась вокруг заласканного ангелочка с неотразимой улыбкой: мать носила за ним взбитый гоголь-моголь и какао, мы лазали для него по деревьям за черешней, а соседские девочки, приходившие понычничать, в виде платы за удовольствие приносили букетики земляники. Даже простейшие физиологические отправления маленького идола вызывали общий восторг, может быть, оттого что ему случалось мочиться в постель: «Зазико, золотко, ну-ка открой крантик... вот та-ак! Ну и фонтанчик! Ай да мы-ы...» – и он оглядывал нас, одаривая своей неотразимой, чуточку смущенной улыбкой.

Одна только бабушка Мариам не теряла головы и здравого смысла.

– Что за нежности! – хмыкала она. – Ей-богу, корова и та умней, только неделю теленка лижет. Оставьте ребенка в покое!..

В самом деле – получался перебор... А причина была вот в чем: к тому лету молодняк нашего «прайда» подросток; говоря словами тетушки Лали, мы выродились в подростков – нескладные и угловатые, с облезлыми спинами, облупившимися носами и ломающимися голосами, мы не вызывали прежнего умирления, да и не претендовали на него. Средоточием семейного чадолюбия сделался Заза, и

страсть, делившаяся на многих, обрушилась на одного.

Но похоже, что и все вместе, вкладчину, мы не смогли бы тягаться с немой Мери. Чтобы убедиться в этом, достаточно было разок увидеть, как она смотрела на Зазу: ее лицо светлело и не казалось таким уж смуглым; большие, в пол-лица, глаза лучились счастьем, вся ее сильная фигура делалась тоньше, женственней, и словно унимался клокочущий в ней огонь; не грубый, сильный мужчина, разящий потом и табачищем, а нежный младенец – вот, оказывается, что было ее тайной мечтой.

А малыш?

Мери пугала его. Поначала он только косился на нее и дулся. Но неотрывный сияющий взгляд, преследовавший повсюду, раздражал и злил, а стоило Мери шагнуть или сделать движение в его сторону, как он с воплем бросался к матери. Если матери поблизости не было, Заза искал защиты у Дарики: из всех гостей нашего дома он выбрал безмятежную красавицу, встречавшую его порыв с оттенком досады.

Словно трещина рассекала помрачневшее лицо немой – так искажалось оно; и слышался рев медведицы в пчельнике – поразительно, но он звучал тише, чем обычно, словно медведица не злилась, а недоумевала.

Никогда немая Мери не вела себя так кротко и тихо, как в то лето. Она робко всматривалась в нас, ловя признаки неудовольствия; подражая сестре, часами стояла рядом с ней на балконе и даже пыталась перенять ее выражение лица – только бы не гнали, только бы позволили любоваться ненаглядным. Но безразличие не давалось ее глазам – они то сияли, то туманились от слез.

Однако малыш с каждым днем делался нетерпимее – теперь даже присутствие немой действовало на него.

Раздражительность сына не на шутку встревожила тетю Лали. Мнительная и резкая, она вступилась за свое чадо и вынудила бабушку Мариам поговорить с Кесарией.

Вечером бабушка кряхтя

поднялась с циновки, где на пару с немой Мери лушила фасоль, и громко сказала:

– Не сердись, Кесария, глупый он еще, что с него взять... Нервные они в том городе, плохо спят, видишь ли, под себя прудят... – бабушка наклонилась к своей истовой помощнице, бросила фасолину ей за пазуху и грустно засмеялась. – А мы, видишь ли, виноваты... Эх, дочка, где справедливость?..

Пришлось Кесарии на время отказаться от приработка, во всяком случае, от «Зингера» в нашем доме.

Но немая Мери не собиралась сдаваться. На нее не действовали ни запреты, ни угрозы. Каждый день, сбегав из дому, она продельвала близкий путь в гору к нашему двору и, прячась за акациями вдоль частокола, высматривала своего любимца. Зрелище было трогательное и тягостное. Мы не знали как быть. Поначала тетушка Лали пыталась прогнать немую, но, убедившись, что тем самым привлекает к ней внимание сына, перестала ее замечать. Мы – тем более: помогали ей маскироваться, навешивая на частокол пучки травы и ветви. Одна только бабушка Мариам, видя наши хлопоты, возмущенно шлепала себя по бедрам:

– Да впустите ее во двор, нехристи! Она же человек, а не волчица!

...С утра мы работали в винограднике, мотыжили подросшую кукурузу. День выдался жаркий, безветренный. Пополудни меня послали домой за холодной водой. Когда я поднялся во двор, там никого не было.

Тетя Лали, умученная возней с капризным чадом, отдыхала где-то в прохладной глубине дома.

Выглянувшая на балкон бабушка Мариам делала предостерегающие знаки и прижимала палец к губам. Я недоуменно огляделся: под грецким орехом, на застеленной ковром тахте спал Заза – кудрявая головка на продолговатой подушке, длинные ресницы тенями на щеках, розовые губы капризно надуты. Одеальце из голубого атласа, простеганное замысловатыми

вензелями – работа Кесарии, очень шло ему: поистине, в спящих детях есть что-то ангельское.

А у него в ногах, не дыша и не отрывая глаз от детского лица, сидела немая Мери. Ее взгляд был спокоен, как взгляд постигшего истину мудреца, и глубок, как взгляд разродившейся женщины; немой, он вмещал все слова материнской любви, когда-либо обращенные к дитяте. Над ними в зеленой кроне трещали цикады и перекликались птахи...

Вдруг малыш встрепетул: видимо, неосторожный стук калитки разбудил его; брови дрогнули, нос сморщился, он потянулся, покрутил головой, раскрыл глаза и не сразу узнал склонившееся над ним смуглое, губастое лицо – в тени оно казалось особенно смуглым. Узнавание длилось недолго. В следующее мгновение из безмятежного ангелочка малыш превратился в ошетинившегося от ужаса дикобраза; впервые в его испуге не было наигрыша.

Потрясенная Мери подалась было к нему, но прикоснуться не посмела; недоуменно и грозно глянула на меня и, протягивая руки к мальчику, закричала. То не был рев медведицы. Боль и отчаяние, надежда и нежность слились в крике, разорвавшем августовский полдень. От него даже цикады ненадолго приотмолкли.

Бабушка Мариам с трудом оторвала Мери от кушетки, на которой та окаменела в ногах у мальчика, и силой повела к калитке.

– Не убивайся так, доченька, – приговаривала она. – Пощади сердечко, дурочка! Слишком оно у тебя ранимое. Все равно нам этот мир не исправить...

Возвращаясь к дому, она шмыгала носом и утиралась вылинявшим фартуком с большим карманом.

– Где твоя справедливость, Господи? Зачем только нас обнадеживаешь? Мучишь, казнишь и все-таки оставляешь надежду... На что, Господи?!

С этого дня Мери в нашем доме не видели.

«НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВЫСТАВКА» МИШИ ИАШВИЛИ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

На творческой сцене 80-х годов минувшего века появилось поколение художников, которое положило начало совершенно новому этапу в грузинском изобразительном искусстве. Забытые исторические и религиозные сюжеты, новые интерпретации художественных форм, интенсивные творческие поиски – такими были характерные черты грузинской живописи этого периода. В 2024 году исполнилось бы 70 лет со дня рождения одного из выдающихся художников-восьмидесятников – Михаила Иашвили.

В Сололаки, в живописном дворе на улице Ладо Асатиани, стоит дом, в котором почти всю жизнь прожил Миша Иашвили. У входа в арку висит мемориальная доска с портретом мастера. За свою недолгую жизнь он успел сделать необычайно много, просторная гостиная его дома полна картинами, созданными автором в разные годы. Супруга Михаила, Нана Иашвили, любезно согласилась погово-

ворить с нами о жизни и творчестве художника.

– Меня часто спрашивают, правда ли, что отец Миши, Нодар, был близким родственником поэта Паоло Иашвили? Правда. Он был его племянником. Паоло и Миша-старший, отец Нодара, были братьями. В 1942 году мой свекор учился на втором курсе медицинского института, когда его прямо на

лекции арестовали по обвинению в участии в освободительном движении под названием «Кето». Эта организация действительно существовала, но на допросах он все отрицал. Первое время Нодара держали в Ортачальской тюрьме. Сначала ему присудили расстрел, но решающую роль сыграло то, что его отец был известным врачом, лечил видных государственных деятелей того времени. Поэтому первоначальный приговор заменили на ссылку в Сибирь, ему дали 15 лет без права на возвращение. Все эти годы он сидел в селе Тасеево Красноярского края. С будущей женой встретился в 1949 году. Это была очень романтическая история любви. Моя свекровь, Мария Кузьменко, во время Второй мировой войны работала медсестрой. После окончания мединститута ее назначили главным хирургом Красноярского края. Она объезжала лагерь, делала операции заключенным и т.д. В один из таких дней, когда на санях она вместе с сотрудниками в очередной раз объезжала дома ссыльных, они заметили кровавый след на снегу, пошли по следу и далеко от дороги нашли человека, истекающего кровью. Положили в сани, отвезли в лагерную больницу. Как выяснилось позже, у него случилась стычка с местными ворами в законе, они его искромсали и бросили умирать. Мария выходила раненого, он стал вместе с ней работать. Потом они поженились, и в течение четырех лет она писала письма Сталину, что ее муж ни в чем не виноват, ни в какой организации не состоял, и просила пересмотреть дело. До 1953 года никаких ответов не получала, а после смерти Сталина дело Нодара пересмотрели, и его реабилитировали. Миша родился в Тасеево, а в конце 1954 года они вернулись в Грузию. Моя свекровь рассказывала – когда они приехали в Тбилиси, квартира была совершенно пуста. Мама Нодара все продала, чтобы как-то добыть средства на пропитание. Весь этот двухэтажный дом принадлежал семье Иашвили, они жили здесь с 1918 года. Чтобы поехать в Сибирь, повидать сына, она прода-

Художники-восьмидесятники

ла часть дома...

Нодар начал работать сторожем на кондитерской фабрике. Он был ростом в два метра, сильного телосложения, очень красивый, представительный. Мария советовала ему поступать в вуз, но он сначала стеснялся, ведь ему было уже за 30 лет, а потом все же поступил в сельскохозяйственный институт на факультет виноделия.

Моя свекровь была спокойной, уравновешенной женщиной и врачом настолько высокой квалификации, что у нас дома был постоянный наплыв пациентов. А Нодар вскоре стал начальником цеха, потом заместителем директора фабрики, затем заместителем директора завода шампанских вин, а в итоге – гендиректором объединения «Тбиллуди». Он умер в 1999 году, жена пережила его на 8 лет.

Нодар любил жизнь, застолья, был душой компании... Миша по характеру очень походил на отца. С самой юности постоянно что-то изобретал. Будучи школьником нарисовал карикатуру на учительницу грузинского языка. Она так сильно обиделась, что постоянно ставила ему «двойки». Как Миша ни извинялся, ничего не помогало – преподавательница упорно писала «неуды». Если бы эта двойка перекечевала в аттестат, он потерял бы шанс поступить в

Академию художеств. Под конец в дело вмешалась мама. Она достала самую модную в то время нейлоновую сорочку, приложила к ней хорошие духи, перевязанные красивым бантиком, и послала преподавательнице. Женская дипломатия оказалась действенной, желанная «тройка» была получена, и Миша смог поступать в Академию. И поступил. Он учился на факультете кино и телевидения, его педагогом был известный художник кино Дмитрий Такашвили. Общаться с ним было одно удовольствие. Дипломную работу Миша сделал по мотивам произведения Паоло Иашвили «Цветные шары». Я уже была его женой, когда он защищал диплом. Его работа вызвала фурор в Академии, Такашвили написал очень положительную рецензию. Затем он оформил несколько фильмов, сотрудничал и с театром.

Миша был блестящим организатором, большим энтузиастом, исключительно целеустремленным и всегда готовым к реализации любой идеи. Но при этом оставался неисправимым романтиком. В ноябре 1983 года ЦК ВЛКСМ Грузии организовал выставку молодых художников под мостом Бараташвили. Как сейчас помню этот день, пришли друзья Миши – Сосо Церетели, Гега Кобахидзе, все мальчики, которых потом

прозвали «парнями из самолета». Мероприятие состоялось ровно за два дня до угона самолета. После трагедии в аэропорту, конечно, было уже не до выставок... Но прошло время, и Миша с друзьями стал устраивать экспозиции под открытым небом уже в Абанотубани. Каждые субботу и воскресенье художники-восьмидесятники (так они себя называли) приносили свои работы, там собиралась вся городская молодежь, сливки общества, царил необычайная атмосфера праздника. Этот вернисаж пользовался таким высоким авторитетом среди горожан и властей города, что всех почетных гостей, приезжающих в столицу, приводили туда – его посещение даже внесли в программу визита премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер.

В 1985 году Миша вместе с Тамазом Какабадзе создал клуб художников «Пиросмани» и под его эгидой устраивал выставки-продажи картин своих коллег, это стало настоящим явлением в культурной жизни столицы. «Штаб-квартира» клуба располагалась опять-таки в Абанотубани, поэты и художники обсуждали свои произведения, происходил обмен мнениями. Миша изготовил глиняные пластины с именами всех художников «Пиросмани», а Гия Иашвили (двоюродный брат Миши), очень известный мастер по керамике, обжег эти пластины в печи, и их прикрепили прямо у

Нана Иашвили на открытии выставки Миши Иашвили

входа в клуб. Когда в 90-х годах началась война и беспорядки, здание продали азербайджанцам, во время ремонтных работ эти плитки сняли, но кто-то из местных жителей собрал их, отнес к себе домой, и сейчас этот человек устраивает экскурсии для туристов, рассказывает им «историю о художниках 80-х». Один из друзей Миши мне сказал, что просил его продать плитки. Тот наотрез отказался: «Что ты говоришь, я этими плитками такие деньги делаю, как их продам?!»

В один прекрасный день Миша купил на вещевом рынке большой, старинный самовар, наподобие того, что нарисован на картине Пиросмани. На нем выгравировали имена художников-восьмидесятников. Как-то раз прихожу в клуб и вижу – посередине площадки стоит этот самый самовар, и друзья разливают из него чай и с удовольствием пьют. Но потом, по аромату напитка, догадались, что в самоваре коньяк. Позднее Миша подарил самовар музею Пиросмани в Тбилиси. Он очень любил такие встречи, атмосферу всеобщей любви. Сегодня всем этим художникам по 65-70 лет... Это были времена их молодости, и клуб «Пиросмани» все вспоминают с огромной теплотой.

Миша организовал в разных городах и отдаленных селах Грузии серию экспозиций под названием «Необыкновенная выставка». Собирал картины коллег, загружал в машину, вез

в регионы и выставлял в местных музеях. Потом эти картины передавались музеям в дар. Для любого художника безвозмездно отдать свою работу довольно тяжело. Но достаточно было Мише сказать, что он везет картины в регионы, как все тут же соглашались. Общеизвестно, что художники – люди своеобразные, между собой не очень-то ладят. А Миша для них был соединительным звеном, коллеги его уважали. В таком режиме он объездил всю Грузию, и это тогда, когда уже плохо себя чувствовал. За несколько лет до смерти у него возникли серьезные проблемы со здоровьем, в 2006 году он сделал операцию на сердце, но никому не жаловался на плохое самочувствие. На выставке в Хевсурети потерял сознание, люди, которые находились с ним, даже подумали, что он умер, но, к счастью, тогда он быстро пришел в себя.

Миша очень любил свою профессию и не представлял жизнь без живописи. Все время был в поисках, хотел найти новый стиль. Его творческая биография насыщена и многогранна, художественные творе-

ния – разнообразны: живопись, графика, монументально-декоративная живопись, смешение разных стилей, эксперименты. В его жизни были разные периоды, и работы, создаваемые в определенные отрезки времени, тоже разные. Когда ему стало уже очень плохо, он больше не мог переносить запах красок, и потому стал делать коллажи. Все эти коллажи, которые вы видите здесь, – его последние работы. Он создал огромное количество работ, но у нас в семье осталась лишь малая. Большую часть из них он раздарил...

ЕГО НИКТО НЕ ЗАМЕНИТ

Владимир Головин (21 ноября 1951 – 14 ноября 2024) – журналист, поэт, заместитель главного редактора журнала «Русский клуб», член Союза писателей Грузии, лауреат премии Союза журналистов Грузии, кавалер Медали Пушкина. Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете «Russian bazaar» (США), сотрудничал с различными изданиями Грузии, Израиля, Азербайджана, России. На протяжении пяти лет был главным редактором самой многотиражной русскоязычной газеты Грузии «Головинский проспект». Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг очерков «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги», литературного путеводителя «Спешите в Тифлис», более десятка книг в серии «Русские в Грузии». Стихи и переводы опубликованы в многочисленных сборниках и альманахах в Грузии, России, Израиле, Германии, Бельгии и др.

Уход Владимира Головина – непоправимая, невосполнимая утрата. Он был действительно неповторимым человеком – одаренным, ярким, исключительно профессиональным, сокрушительно остроумным. А еще – подлинным тбилисцем, со всеми неперенными его

качествами – веселостью, гостеприимством, надежностью. Тбилиси нельзя себе представить без Володи Головина – знатока и летописца родного города, его страстного певца и обожателя. Он был знаменитым и признанным журналистом и литератором, его блестящие тексты пе-

чатили в Грузии, России, США, Израиле, странах Европы – в любом издании он был желанным автором. Искушений и возможностей уехать у него было множество. Он и уезжал. Но всегда возвращался. Потому что, мне кажется, не мог жить, не мог дышать без своего любимого Сололаки. Теперь, без Володи, и Сололаки, да и Тбилиси, лишившись своего самого талантливого солиста, уже никогда не будут такими, как прежде. Незаменимые люди есть, и Владимир Головин – из этого немногочисленного ряда.

Николай Свентицкий,
президент Союза
«Русский клуб»

Последний подарок хорошего человека. Эти слова повторяем мы – вслух или про себя – обнимая, годы спустя, старинных друзей и подруг, объединенные горечью утраты в дни прощания с дорогим сердцу и памяти человеком.

А друзей у Вовы Головина было не счесть – начиная с периодов ранней и поздней молодости (43-я школа, ТГУ), армейской службы, начала журналистской работы... Затем, в лихие 90-е – непростой период переезда с сыновьями в Иерусалим, встреча там со старыми друзьями-тбилисцами и обретение новых, возвращение в 2003-м в родной Тбилиси... И – постепенное и последовательное становление в качестве исследователя уникальной истории общественной и культурной жизни Тифлиса и Тбилиси, благодаря чему был опубликован целый ряд замечательных очерков и эссе о людях и событиях той эпохи, и это существенно пополнило нашу культурно-историческую антологию.

Слово «было» в отношении друзей возникло не только в связи с уходом самого Вовы Головина, но и потому еще, что многие из них поторопились уйти раньше – это и школьные друзья, и наши с ним и с Леной сокурсники и сокурсницы, и друзья, которых нам подарила жизнь... И для всех нас многие годы светил заветный маячок на улице Чайковского и призывно звучал пароль «Лена-Во-

ва» — здесь собирались друзья и в школьные, и в студенческие годы, здесь, кстати, в 1977-ом, мы отметили 5-летие окончания ТГУ.

Незабываемые два месяца офицерских сборов в палаточном лагере у подножия Большого Абула над Ахалкалаки летом 1970-го, по окончании военной кафедры ТГУ, две наши акции протеста. Ночью там было холодно, а спали мы на бетонных лежаках — пришлось командованию дивизии доставить в лагерь тюки с соломой и чехлы для матрасов. Вторая акция — безобразное качество черного хлеба, из мякиша которого мы лепили пепельницы: в столовой мы начали бить ложками по мискам, срочно приехал комдив (на сборах с нами был Саша Мжаванадзе, сын тогдашнего первого секретаря ЦК Грузии), было шумно и весело...

Вспоминаю полувековой давности осень 1974-го, когда мы встретились на Руставели — Вова гордо катил детскую коляску и представил мне своих с Леной близнецов: «Юра и Леша — в честь первых космонавтов». В августе нынешнего года Вова и Лена отметили 50-летие сыновей, которым посвятили прекрасную книгу своих стихов «Я и Ты. Ты и Я».

Есть в грузинском языке емкое по значению слово «данатовари», ибо объединяет оно несколько понятий: это и наследство, и наследие, и потомство. Все эти три понятия напрямую связаны с тем, что оставил в этом мире Вова Головин: наследство, переданное сыновьям и впитанное ими — порядочность, благородство, дружба (друзья Юры и Леша по сей день вместе), любовь к родному городу, ибо, где бы они ни были, всегда стремятся вновь окунуться с головой в тбилисскую круговерть; наследие, накопившееся с годами в книгах, статьях, очерках и эссе; взлелеянное вместе с нашей всеобщей любимицей Леной потомство — два сына, две дочери-невестки, два внука и три внуки!

Так уж сложилось, что пишу я эти строки 21 ноября — в День рождения Вовы Головина и — еще один знак судьбы — в

День рождения младшей внучки Вовы и Лены — Машеньки, которую дед считал, разумеется, самым большим подарком — «ничто на Земле не проходит бесследно»...

**Андрей Белявский,
журналист**

Я узнал Володю Головина на пике его тбилисской популярности, когда он редактировал газету «Головинский проспект» и издал книгу под тем же названием. Интригующее созвучие авторского имени со старотбилисским топонимом привлекало внимание и радовало слух. Как журналист Володя почувствовал этот эффект и использовал его. Книжка, изданная в формате популярной в те годы «Роман-газеты», пользовалась большим спросом: помню, как московские грузины просили привезти ее из Тбилиси, и мне не без труда удалось раздобыть несколько экземпляров.

Потом я познакомился с историко-биографическими очерками В. Головина в журнале «Русский клуб», и это тоже была работа подлинного профессионала. Очерки прошли под тремя рубриками: «Заывают в Сололаки стертые пороги», «Я трогаю старые стены» и «Те имена, что ты сберег». И во всех трех был слышен взволнованный, немного грустный голос старого тбилисца, всматривающегося в прошлое родного города и пытающегося сберечь в потоке времени имена лучших его сыновей.

Уверен, что Тбилиси ответит Владимиру Головину тем же — надолго сбережет в памяти имя превосходного журналиста и поэта, оставившего свой след на стертых порогах родного Сололаки.

**Александр Эбаноидзе,
писатель, переводчик,
публицист**

Обидно и несправедливо, когда из жизни уходит человек в расцвете сил и творческих возможностей. Владимир Головин — журналист и литератор многогранного таланта. Одна из ярких граней его творчества — Тбилиси, знание его истории,

восхищенная любовь к этому бессмертному городу, воспроизводимые ярко и красочно, достоверно и убедительно, с присущими ему литературным вкусом и художественным дарованием. Можно сказать без всякого преувеличения: Володя Головин принадлежит к той плеяде вдумчивых и одаренных исследователей тбилисской истории, глубоких знатоков российско-грузинских культурных взаимосвязей, творчество которого расширяет горизонты каждого, будь то рядовой читатель или серьезный профессионал, кто пожелает углубиться в интереснейшие страницы родной истории. Спасибо ему за это!

**Вадим Анастасиади,
главный редактор газеты
«Вечерний Тбилиси»**

Скорбят семья, друзья, коллеги, читатели. Скорбит Сололаки, который Владимир Головин увековечил. Он не просто знал каждый уголок, дом, балкон и подъезд родного района, он знал историю его обитателей — выдающихся, известных и самых обычных. Он чувствовал его дух, традиции и систему отношений, словом, целый мир, уникальный для Тбилиси, Грузии и даже за ее пределами.

Мы знали, что Володя превозмогает болезнь, но, казалось, раз он не жаловался и так стойко держался, болезнь как бы существует сама по себе, а Володя продолжает жить насыщенной жизнью, с редкой плодотворностью пишет, радуется сыновьям, внукам, друзьям. Юмор его стал более острым, порой горьким, но остался таким же неиссякаемым.

Я знала Володю с детства, «всегда» — по району, по общим знакомым. С семьей его супруги Елены Шахназаровой моя семья дружила на протяжении трех поколений. Ее семья, а потом семья Головиных, притягивала к себе людей, это был тесный круг, связанный со школой, университетом, любимым районом. В их доме ощущалась гармония настоящей любви и легкости правильной жизни, легкости, которая требует стойкости, «правильности», воспитан-

ной традициями поколений. И друзья – тбилисские и со всего мира – чувствовали себя в этом доме тепло и уютно. Это была на редкость полная, счастливая семья. И хотя сыновей-близнецов жизнь направила на разные континенты, родители, сыновья, невестки и их дети продолжали быть вместе – единым организмом. Это удивительно, и вызывает восхищение такая органика любви...

Когда скончался мой отец, Володя вел поминальный стол у меня в доме. И, хотя мой отец в последние год жил в США, и Володя не знал его лично, он помогал в издании воспоминаний Анатолия Филина – воспоминаний тбилисского периода. И провел печальный стол так, словно знал этого человека. А сейчас не стало Володи. Части жизни моей семьи.

Он был такой неотъемлемой частью Тбилиси, так воспел его, что написанное Владимиром Головиным останется в истории. Но нам от этого не легче. Возникла пустота, которую никто не заполнит.

**Мария Филина,
профессор ТГУ**

Я не была с ним знакома очно. Но, оказалось, что расстояние и жизнь в разных городах еще ничего не определяют, если есть общий, вдохновляющий на творчество интерес. Я зачитывалась эссе и очерками Володи Головина в журнале «Русский клуб», искала его посты в ФБ со стихами и всегда интересными публикациями. Потом случилось так, что мы с Володей все же слетелись, как слетаются птицы одного пера, на полях интернета. Володя попросил разрешения опубликовать главу из моей книги на страницах журнала, а позже – и подборку моих стихов – так мы познакомились. И тут случилась замечательная переписка. В итоге я получила от Володи ценнейший подарок – целую охалку его книг. А в них такая любовь, такая живая и трогательная интонация причастности к родному городу! Этой интонацией согреты живые рассказы о русско-грузинских культурных связях – по сути это

серьезное культурологическое исследование, написанное доступным для всех языком.

Дорогие издатели журнала «Русский клуб» и его читатели, большая прекрасная семья Володи! Случилась непоправимая потеря. Ваша боль – моя боль. Вечная благодарная память замечательному человеку – поэту, писателю, журналисту и просветителю! Надеюсь, найдется молодой талант, который подымет выпавшее из его руки перо.

**Кора Церетели,
киновед, критик,
сценарист**

Время жизни истекло. В ночь с 13 на 14 ноября 2024 года. Время жизни истекло – и Володя Головин покинул нас, не дожив неделю до своего 74-летия. Для меня это был очень болезненный шок. Уникален каждый человек, и даже животные уникальны. И каждый человек незаменим. Никто не занимает ничье место.

Уход Володи для «Русского клуба» – невосполнимая потеря для журнала и всего коллектива. Все, что делал Володя, было отмечено незаурядным талантом. Прекрасный журналист, поэт, прозаик, Володя работал много и успешно. Тбилисцы помнят его газету «Головинский проспект», которая пользовалась большой популярностью. Но особо хочу отметить его деятельность в журнале «Русский клуб» – это ежемесячные повествования о выдающихся людях, о событиях, об эпохе. Они содержат интереснейшие сведения, фактические подробности, все это изложено прекрасным языком, и читатель как бы воочию видит все и переживает все, что предлагает автор.

Трудно представить, что рубрики «Те имена, что ты сберег» не будет в журнале. Да, Володя сберег для нас очень ценные, во многом поучительные и интересные сведения. И сблизил ушедшие эпохи с нашей современностью.

**Камилла Мариам Коринтэли,
поэт, переводчик**

Много лет назад, в 2007 году, я принесла в редакцию газеты «Головинский проспект» небольшой рассказ – воспоминание о улице моего детства (Кирова, ныне Леонидзе), не очень-то надеясь, что он будет напечатан. Меня встретил приветливый, приятный человек. Выслушал, забрал материал, обнадеежил и тепло распрощался. Это был редактор газеты Владимир Головин. Рассказ напечатали. С того дня началось мое тесное сотрудничество с газетой. Мои статьи регулярно стали появляться на ее страницах. А вскоре с помощью Владимира я смогла выпустить свою первую книгу. Со временем обычное знакомство переросло в искреннюю, теплую дружбу.

В этот скорбный для всех день хочу выразить глубокое соболезнование и сердечное сочувствие его семье, родным, близким, коллегам и сказать: «Спасибо тебе, Вова, за то, что открыл мне путь в журналистику, за твою поддержку, наставления, предоставленную возможность проявить себя на этом поприще. За твою любящее, доброе сердце, любовь к друзьям, работе, городу. Мы не будем говорить о тебе в прошедшем времени – ты навсегда останешься в наших сердцах настоящим, благородным, талантливым, улыбающимся Человеком с большой буквы».

**Додо Ахвледiani,
журналист**

Мы познакомились с Володей Головиным, когда он еще был редактором «Головинского проспекта», а я приносила ему свои статьи. Работалось с ним очень легко и комфортно. При всех своих заслугах (а их очень много!), он был дружелюбен, открыт и прост в общении. Потом сотрудничество продолжилось в «Русском клубе». А большая симпатия к нему, родившаяся в первый день знакомства, будет длиться всегда! Симпатия к человеку чести, редкой породы, самых высоких моральных качеств, к талантливому писателю и журналисту, к колориту и бриллианту Тбили-

си! Именно такой Володя – уникальный! Ценила нашу дружбу, восхищалась его острым умом и потрясающим чувством юмора, отношением к семье, окружающим. У него дар – любить и понимать людей.

И сейчас перед глазами – улыбка Володи, его умное, доброе лицо. Нет, не буду прощаться. С болью, любовью, благодарностью в душе всегда буду помнить. Тбилисский Сололаки, по улицам которого я часто хожу, навсегда связан с ним. И там мы опять машем друг другу рукой при встрече, с одной улицы на другую, и желаем доброго и счастливого дня...

Медая Амирханова,
журналист, литератор

Владимир Головин для меня – и учитель, и уважаемый автор, и дорогой респондент. Не хочется верить, что мы уже не сможем увидеть его новых работ. Книжки, газеты, статьи, интервью... На этом мы росли, учились любить свою профессию и делать свое дело. Но с нами навсегда останется то, что Владимир создал за свою долгую жизнь в профессии. Путь был сложным и интересным. Теперь каждая его книга и статья – реликвия, материал для трепетного изучения, напоминание о том, как нужно любить свой город, страну, людей и историю. Царствие небесное и вечная память!

Михаил Робакидзе,
журналист

Мы познакомились в 2006 году, когда я написала в газету «Головинский проспект» рассказ о бабушке, а Володя сказал: «Пиши!» У меня тогда была другая жизнь, далекая от журналистики, а прежние публикации в «Молодежи Грузии» и все мечты остались в прошлом. И вдруг... Я так вцепилась в эти слова – «Пиши!», как будто мне вернули саму себя, и почувствовала себя счастливой. Вам когда-нибудь дарили вдохновение? Володя мне его подарил, и всем лучшим и любимым, что у меня написалось, я обязана в первую очередь ему. Оказалось, мне было о чем расска-

зать, и один за другим родились правдивые истории, персонажи, самые разные, из прошлого и настоящего, человеческие и четвероногие. К последним Володя относился трепетно, в чем мы абсолютно совпали. Иногда под моим постом в фейсбуке об очередном несчастном, никому не нужном блохастике появлялось всего одно сердечко, и я знала, от кого оно. Как и под семейными историями, которые все уже читали, но которые мне дороги, и хочется их повторять, рассказывать и так поминать родных. Володя перечитывал и оценивал их снова и снова, потому что и ценности наши совпадали. Всегда говорила, что лайки неважны, но, оказывается, важны. Хотя бы для того, чтобы знать, что дорогой человек жив, и он рядом.

Мне бесконечно больно. Я буду скучать, беречь в сердце память о Володе Головине, этом талантливом, добром, любящем семью, друзей, зверей человеке, его бесконечном внутреннем мире, и о нашем красивом, светлом, полном радости и смеха общении. И каждый раз, как ко мне придет вдохновение, прежде чем начать писать, я вспомню и поблагодарю. Светлая память.

Анаида Галустян,
литератор

Владимир. Вова Головин. Гедонист, весельчак, балагур, остролов, иронист, порой склонный к сарказму, но – при весьма серьезном отношении к моральным императивам, что, может, не всегда обращало на себя внимание за потоком остроловля, за способностью легко общаться, легко располагать и крепить отношения. Это был несомненный талант общения и дружбы, создающий вокруг себя и, шире, вокруг дома, зону притяжения. Его удивительным образом хватало на всех и на все, в том числе, на повседневную неустанную творческую работу. А еще и на стихи, в которых оставили след время и времена. Время – вообще, категория, занявшая заметное место в его поэзии – он чувствовал и понимал его драматичность, тем не менее,

писал со свойственной характеру игровой легкостью. А еще и чувство места, о чем следует писать отдельно.

Но не только – есть еще одна важная ипостась... К счастью, успел состояться совместный с супругой Еленой Шахназаровой сборник «Ты и я. Я и ты». И главным послевкусием или даже открытием оказалось несколько подзабытое в нашу беспокойную эпоху, оживающее в этой книге естественное, человеческое или очеловеченное отношение к жизни на «земле людей».

Продолжим строкой его тезки и любимого автора, произносимое, в этом случае, на полном серьезе: «И отличный семьянин». Добавим очевидное: семья – это тоже область созидания, где Владимир так же состоялся, как и на всех остальных поприщах.

И, наконец, частное наблюдение: кто-то из провожавших Володю, глянув на пришедших проститься с ним, обронил: «Тбилисская русская интеллигенция...» А другой продолжил: «...и в полном ее составе». И образовавшуюся брешь в этой цепочке, увы, прикрыть не кем...

Спасибо за все, что оставил нам этот многогранно одаренный, веселый, добрый человек!

Анна Шахназарова,
литературовед, издатель
Михаил Ляшенко,
поэт, издатель, художник

Сегодня в Тбилиси умер мой друг Володя Головин, Вовка. Первый раз я увидела его лет 40 назад, когда впервые приехала в Тбилиси и попала в неприятную, казавшуюся опасной историю. И меня повели в дом на улице Чайковского, к незнакомым людям, вроде бы журналистам, а там Бог весть. И я пошла на авось, и дверь открыл Вовка, большой, громкий, надежный и совершенно свой. И с тех самых пор дом Головиных, дом открытых дверей и безусловного счастья, стал моим тбилисским домом, сначала на Чайковского, потом на Леонидзе, и Ленка, и их близнецы, и их друзья. Сколько за эти

годы было выпито кофе и вина, сколько выкурено сигарет, сколько наговорено и набормотано. Вова и Ленка дарили мне сокровища Сололаки, водили по Тифлису Мандельштама, Гумилева, Бальмонта... У меня много Володиных книжек, последняя, которую он мне подарил, называется «Спешите в Тифлис». Он писал свои тексты до последнего вздоха.

И еще сегодня в Тбилиси хоронят Володиного и моего друга Отари Капанадзе. Два тбилисских гусара, вся жизнь рядом, ушли почти одновременно, взявшись за руки, туда, к небесам.

Ровно год назад, в ноябре, из-за авиационного безумия, охватившего мир, я на день пролетом оказалась в Тбилиси и чудом попала на Вовкин день рождения, как выяснилось, последний. Я сидела за этим волшебным грузинским столом между Вовкой и Отари. Так мы попрощались.

Когда их близнецам исполнилось 100 лет на двоих, Вова и Ленка сделали сыновьям подарок, доставшийся и друзьям, — они издали сборничек «Ты и я. Я и ты» — слева направо стихи Володи, справа налево и вверх ногами — Лены, их стихи встречаются между собой на 83 странице с одной стороны и на 89-й с другой.

Володя Головин:

Я к вам вернусь теплом грибных дождей,
Улыбками веселых эпатажей
мелодиями прошлых лет и даже
насмешками над мерзостью вождей.
Я возвращусь, когда придет пора
припомнить то, что забывать негоже,
когда начнете осуждать все строже
ту жизнь, которой жили вы вчера.
Я буду рядом в шорохе листвы,
в прибое моря, запахе мороза,
когда хоть в чем-то будет вам угроза,
когда по мне скучать начнете вы.

Лена Головина:

ДЕТЯМ ЭТОГО ДОМА

Вот этот дом. И он вас ждет,
года скрывая и сутулость,
чтоб вам случайно не взгрустнулось —
там, где бредете под дождем.
И он растопит вам снега,
и даст глоток воды — в пустыне...
И розы вспыхнут в вазе синей,
узнают вас издалека.

**Елена Якович,
режиссер-документалист,
сценарист, писатель**

Владимир ГОЛОВИН

Там, где стекает с небес красота
в омут интриг и позерства,
держат меня на плаву три кита —
Память, Надежда, Упорство.
Если размыты следы доброты
и торжествует невежда,
спины плотнее сдвигают киты
Память, Упорство, Надежда.
Тянет ко дну липкий груз суеты
злостью, уныньем, притворством,
но на поверхность толкают киты
Память, Надежда, Упорство.
Та ли судьба у меня иль не та,
жизнь — это единоборство.
Бейте хвостами, три славных кита
Память, Надежда, Упорство.

ДОЖДЛИВАЯ АССОЦИАЦИЯ

Смеется с лохмотьев афиши
еще один завтрашний вождь.
Колотит по сморщенным крышам
унылый декабрьский дождь.
Весь город, проникшийся дрожью
покрытых зонтами голов,
так вымок, что сморщился тоже
до самых своих куполов.
Разгульные ветры набухли
потоками серой воды,
в разводах тумана пожухли
хранящие зелень сады.
И бродят в сознание, размытом
ветрами, дождем и тоской,
старуха с разбитым корытом
и невод с травой морской.

Не прошел еще по Галилее
Тот, кто путь Голгофы завершил,
а извечный спор, чей Бог сильнее,
сотни царств и храмов сокрушил.
Шли века, но спор не прекращался.
Храмы пожирал пожарный дым.
И Создатель грустно улыбался
неразумным детищам своим.

Старинных мудрецов мы полюбили,
цитатами спешим пощеголять.
Как будто долго рядом с ними жили
и даже помогали размышлять.

Особенно наслышаны в народе
о том, как, с тихой грустью на лице,
промолвил Соломон, что все проходит
и мысль эту выбил на кольце.

В истории пророков маловато.
Потомков их спасает лишь одно

— у большинства расхожих постулатов,
по счастью, есть всегда двойное дно.

Мы верим мудрецам как ортодоксы,
и видеть не хотим двойного дна.
Но гении любили парадоксы
— на то им гениальность и дана.

Поэтому создатель «Песни песней»
мудрей, чем представляли мы его.
Ведь изнутри он начертал на перстне
три слова: «Не проходит ничего».

Такими непростыми перепутьями
мы прошагали от беды к беде,
что прощены быть можем даже судьями
на самом главном, истинном суде.

У нас на спинах крылья не колышутся,
грешили мы и ошибались мы.
Но многое, наверное, нам спишется
за выход из уныния и тьмы.

На этот суд придем без адвокатов мы,
не под конвоем, не скрывая лиц.
Пусть и становились мы солдатами,
а все-таки не выросли в убийц.

Мы попросту придем с делами нашими,
чтоб положить их на весы — на те,
что, тихо шевельнув своими чашами,
отправят к завершающей черте.

И вот тогда, по виду ли, по сути ли,
зачислят нас в особенный разряд
— тех, кто сумел, шагая перепутьями,
не сбавить шаг и не свернуть назад.

РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Аптека. Рядом с ней фонарь.
И ночь. И вечное продленье
триады неевского виденья.
И томик Блока — как словарь.

Но здесь и там вскипают речи,
которым места нет в стихах.
Их произносят, впопыхах
умы и души искалечив.

Вот, здесь расстреляны царевны,
там — книги на кострах горят...
С экранов всюду говорят
княгини Марьи Алексевны.

И вновь инструкции штабам
патриотизмом заражают.
И новые гробы рождает
любовь к отеческим гробам.

Но изреченных слов венец —
фонарь, аптека, ночь над крышей...
Всех лозунгов они превыше.
Вовек. Я глупостей не чтец.

Сололаки, Сололаки...
Улиц древний аромат.
Здесь понятие «мокалаке»
выше всяческих наград.
Здесь года судить не вправе
за ошибки, за вину.
Здесь подъезды словом SALVE
зывают в тишину,
где столетий свет нерезкий
ниспадает с этажей
на остатки старой фрески
и останки витражей.
Здесь равны и цесаревич,
и мацонщик, и вдова...
Бродит Александр Сергеич
(даже не один, а два).
Время стены расколело,
но по-прежнему дворы
ждут Булата и Паоло
вместе с Беллой — на пиры.
Отбивая все атаки,
не похожий на музей,
сберегает Сололаки
дух поэтов и князей.

Я спросил у Деда Мороза,
когда он принес мне подарки,
почему он их носит и носит —
мне уже очень много лет,
и веду я себя не примерно,
и стишки не читаю со стула...
«Потому что в меня ты веришь», —
мне ответил румяный дед.

Уже давно пошли на слом
и девушка с большим веслом,
и маленький аэродром,
и деревянный старый дом,
гостиница для моряка
и вся ограда маяка,
и прибульварный стадион,
и в зелень вросший бастион.
То, что поднялось вместо них,
построено для глаз чужих.
И принесло оно с собой
иной уклад судьбы иной.
А где-то там, в краю былом —
дурман магнолий за окном,
Синатра под вечерний бриз
и катер на Зеленый Мыс.
Вечерний пляж принять готов
от щедрых сейнеров улов,
прожектор ночью бьет в глаза
и в центре города — вокзал.

Ну вот, октябрьская гроза
напомнила минувшей ночью

что, хочешь ты или не хочешь,
а уж «зима катит в глаза».

Еще, конечно, далеко
до ливня, что в ветрах неистов,
еще побалует туристов
морей парное молоко.

Еще нас удивит с тобой
куст, в ноябре цветущий яро,
но уж не давит прежним жаром
свод неба бледно голубой.

Вчера казалось: вот, он брызнет
спящей синевой на нас.
Сегодня ж небо – цвета глаз
у стариков на склоне жизни.

Еще походим в майках мы,
и тучи пронесутся мимо.
Но наступление зимы
на нас с тобой неотвратимо.

ТОННЕЛЬ

Однажды поутру,
а может быть, под вечер
я, все-таки умру,
познав, что мир не вечен.
И, вмиг сведя на нет,
заботы и делишки,
увидю яркий свет,
как пишут в умных книжках.

Те книжки предрекли,
что прямо из постели
лететь мне от Земли
в сверкающем тоннеле.
И бездны на краю,
в преддверии к нирване
увидеть жизнь свою,
как будто на экране.

Но среди всех чудес
нет лучше перспективы,
чем посмотреть с небес
на тех, кто еще живы.

Возьму и погляжу,
пока еще не поздно,
на то, как сам лежу –
красивый и серьезный.
А вы, подняв бокал
с печальным тамадою,
снимаете накал,
навешанный бедою.

«Э, нет, – скажу себе, –
внизу звенят стаканы,
а мне – лететь в трубе
к преддверию нирваны?
Внизу грустит народ,
а я забрал с собою
чудесный анекдот

про пьяного ковбоя!
Не буду, черт возьми,
орлом парить в тоннеле.
Желаю быть с людьми
в их благородном деле!»

Я тут же развернусь
и, как Орфей когда-то,
сюрпризом заявлюсь
к тебе, реаниматор.
И подведет итог
всей этой передряги
мензурочный глоток
больничного спиртаги.

Однажды вечером,
а может, и под утро,
немного под хмельком,
с настроем «Кама Сутры»
я к вам вернусь в своем
опять расцветшем теле.
И молча мы нальем
за наших в том тоннеле.

ПОПЫТКА ИСПОВЕДИ

Не так уж тщательно, но истово
я делал то, во что поверил.
Я не подслушивал у двери.
В помощники не звал нечистого.

Копил слезу для ностальгии.
Не рвался к роли первой скрипки.
Платил за многие ошибки,
а после совершал другие.

Не думал, чем и как рискую
в поступках дерзко-беззаботных.
И боль обиженных животных
воспринимал как боль людскую.

Меня любили. Мне везло.
А если донимали нудно,
то было мне совсем не трудно
встать и уйти на шатало.

И всматриваясь в длинный путь,
я понял: главная награда
в том, что делил его с кем надо.
Да так, что не пришлось свернуть.

Я старался писать стихи,
не любил других наставлять,
не хотел, но плодил грехи
и стремился их исправлять.

Из ошибок не строил проблем,
из болячек не делал беды,
не боялся запретных тем
и помочь не считал за труды.

Я любил поесть и попить,
не срывал на невинных злость.
В общем, очень хотелось БЫТЬ.
И, наверное, удалось.

И ЭТО ВСЕ О НЕЙ

ОБРАЗ МЕДЕИ В МИРОВОМ ИСКУССТВЕ

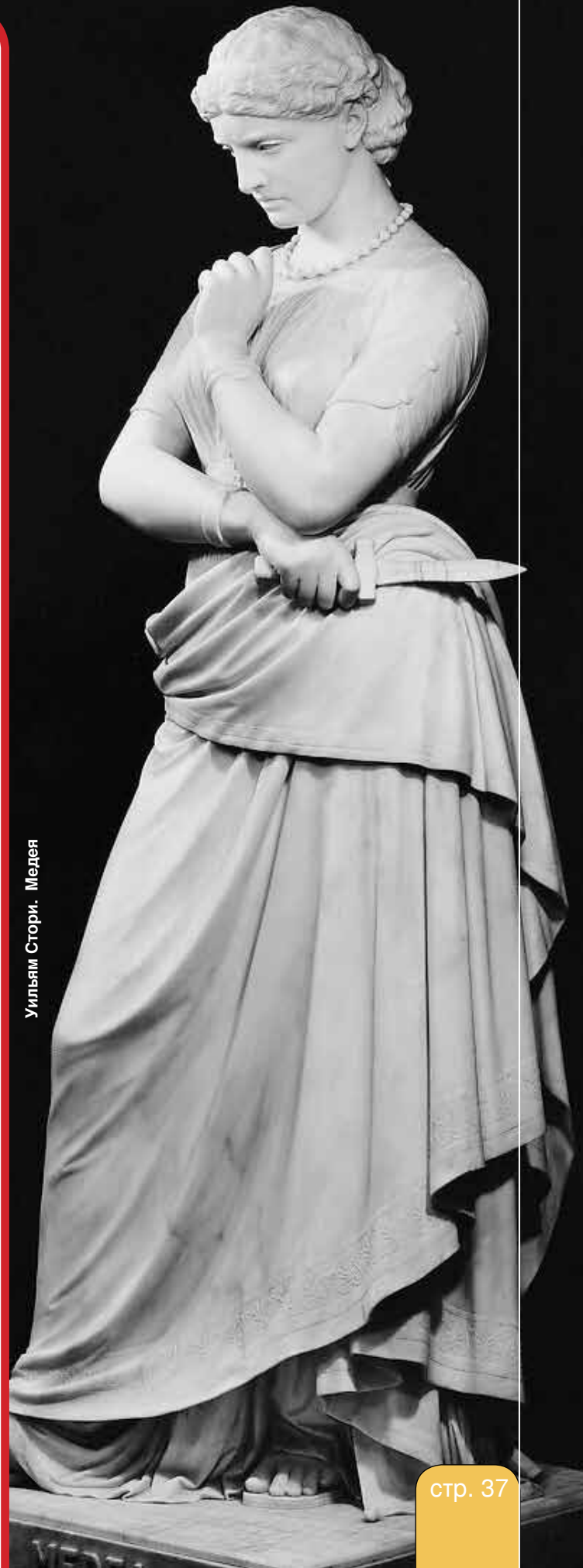
Моей незабвенной сестре Медее

■ **Элеонора АБАШИДЗЕ**

Изобразительное искусство играет важную роль при исследовании истории культуры, поскольку визуальный язык памятников дает возможность приблизиться к исторической действительности той эпохи, когда они были созданы. Известный ученый, исследователь античной культуры Клод Берар наиболее информативной с точки зрения исторической достоверности считает вазовую роспись, аргументируя это тем, что расписывавший вазу мастер строго следовал принятым в те времена правилам, между тем как художник свободен в своем творчестве и действует согласно своему призванию, вкусу, таланту и фантазии. При датировке определенную ясность могут вносить иконографические и эпиграфические детали. Наглядным примером тому служит найденное в Черветери (в древности был городом-государством этрусков) древнее изображение Медеи, подтвержденное подписью.

В эпоху Ренессанса наблюдается новая волна интереса к мифу о Медее, вначале в виде книжных иллюстраций и рекламных щитов к театральным постановкам, позднее появляются циклы живописных картин, фрески и скульптуры.

Историю любви Ясона и Медеи избирали источником сюжетов для своих картин выдающиеся представители изобразительного искусства – Рембрандт, Рубенс, Паоло Веронезе, Никола Пуссен, Тициан, Карл Ванлоо, Эжен Делакруа, Гюстав Моро, Лодовико Карраччи, Гверчино, Эрколе де Роберти и многие другие. Теме аргонавтов посвятил свои картины известный итальянский художник эпохи Возрождения, один из

Уильям Стори. Медее

Мраморный фрагмент головы Медеи

оформителей Сикстинской капеллы Бьянцо д'Антонио Туччи. Боттичелли делал зарисовки на тему Медеи и Ясона. В альбоме Рафаэля хранились несколько прекрасных эскизов Медеи. Образ Медеи притягивал Сальвадора Дали, который посвятил этой теме исследования и делал зарисовки.

Обилие имеющихся в западном мире произведений изобразительного искусства, посвященных волшебнице Медее, просто поражает.

Медея, замышляющая убийство своих детей. Фреска из Помпей

Невозможно объять необъятное, поэтому мы обратимся лишь к некоторым шедеврам мирового искусства, на создание которых их авторы вдохновили аргонавты и легендарная колхидская принцесса.

АНТИЧНОЕ ИСКУССТВО

Мифологические сюжеты о Медее нашли отражение в античном искусстве, вазописи, на фресках и на рельефах саркофагов. По имеющимся данным, в античной вазописи Медея представлена более сорока раз. Во многих музеях и кар-

Медея. Фреска, I в. н.э.

тинных галереях мира хранятся образцы иллюстраций к мифу о Медее, но наиболее полно они представлены в Италии.

Мраморный фрагмент головы Медеи (420-410 гг. до н.э.) — прекрасный образец античного итальянского искусства. Предположительно — копия барельефа из Афинской агоры, который украшал Алтарь Двенадцати Богов, посвященный главным божествам греческого пантеона Зевсу, Гере, Посейдону, Деметре, Гестии, Аполлону, Артемиде, Гефесту, Афине, Аресу, Афродите и Гермесу. Ныне это творение хранится в Лувре.

В Национальном археологическом музее Неаполя хранятся образцы настенной живописи из Помпей. На фреске, датированной 62-79 гг. н.э., представлена волшебница Медея, в складках одежды прикрывающая оружие убийства.

Медея убивает своих детей. Амфора работы вазописца Иксиона

Всеобщее восхищение вызывает прекрасный образец настенной живописи, обнаруженный на одной из стен виллы Аркана. На лазурном фоне изображена Медея в белом одеянии и золотистой накидке. В руках у нее меч, взгляд устремлен вдаль, во всем облике чувствуется напряжение и тревожное ожидание. Фреска, датирована I веком н.э.

В Риме хранится краснофигурный кратер «Медея убивает детей» вазописца Иксиона, 330 г. до н.э., хранится в Лувре.

В Риме около «Porta Latina» (Латинские ворота) найден терракотовый барельеф, изготовленный приблизительно в 100 году н.э., на котором изображена сцена строительства корабля Арго для похода за золотым руном в легендарную Колхиду. Хранится в Британском национальном музее.

АВСТРИЙСКОЕ ИСКУССТВО

Густав Климт (1862-1918) — выдающийся австрийский живописец, яркий представитель венского модерна. «Медея» — фрагмент живописной картины «Медицина» Климт получил заказ от министерства

образования на роспись потолка большого актового зала Венского университета т.н. «факультетскими картинами», которые должны были представлять персонифицированные науки – Философию, Медицину, Юриспруденцию. В центре картины «Медицина» – Медея (по другой версии – Гигея) как символ медицины, одну ее руку обвивает змея, а в другой она держит чашу – эмблему врачевания. Образ Медеи присутствует в разных вариациях. Картина произвела эффект разорвавшейся бомбы, как и остальные его факультетские картины. Дискуссия разгорелась не только по всей стране, но и за ее пределами. Отбросив историческую традицию, Климт все больше склонялся к символизму, и его картина перегружена изображениями нагих тел и сложной символикой, что никак не вписывалось в академические рамки. Однако, по мнению А. Малер-Верфель, «слишком современные и зна-

музыка и поэзия, поэтому его творчество популярно и в наши дни.

АМЕРИКАНСКОЕ ИСКУССТВО

Уильям Ветмор Стори (1819-1895) – американский скульптор, архитектор, поэт и искусствовед. Скульптура «Медея» – одна из лучших его работ, заслужившая высокую оценку экспертов и широкое общественное признание. После окончания юридического факультета в США Стори переехал в Италию и всю свою жизнь посвятил искусству. Прекрасна его скульптура Медеи с задумчивым выразительным лицом. В одной руке у нее меч, другой она обнимает себя за плечо, как бы уговаривая на решительный шаг. Скульптура решена в стиле неоклассицизма. Античные мотивы в творчестве Уильяма Стори гармонично сочетаются с современными ему традициями XIX века. Одна версия скульптуры выставлена в Метрополитен-музее, а более ранняя версия – в Атланте, в Музее искусств.

Фредерик Сэндис. Медея

ликобритании хранятся около 50 картин с изображением леди Гамильтон в различных ипостасях.

Фредерик Сэндис (1829-1904) – британский художник-прерафаэлит. Картина «Медея» – несколько необычна. Символично то обстоятельство, что для образа Медеи ему позировала цыганка Кеоми Грей. Художник увлекался магией, историями роковых красавиц, наделенных магическими способностями, соблазнявших мужчин. Медея изображена в процессе приготовления колдовского зелья. В ее пристальном взгляде – опасная магическая сила. Цветовая палитра, холодное освещение и характерные атрибуты колдовства – жаба, дикie ягоды, статуя идола – усиливают тревогу и нагнетают атмосферу страха. Картина хранится в Художественном музее и галерее Бирмингема.

Валентин Принсеп (1838-1904) – британский исторический и жанровый живописец. Картина отличается изяществом и тонким вкусом. Художник создал трогательный образ прекрасной юной Медеи, собирающей в лесу грибы для своего снадобья. Тщательно выписанные детали лесного пейзажа создают романтическую атмосферу и поэтический настрой. В общий фон вносит диссонанс

Густав Климт. Фрагмент картины «Медицина»

чимые, факультетские картины были самыми сильными из того, что когда-либо написал Густав Климт... Климт заговорил на языке музыки языком живописи». В картинах Климта живут

Джордж Ромни. Медея

БРИТАНСКОЕ ИСКУССТВО

Джордж Ромни (1734-1802) – выдающийся портретист Англии XIX века. Картина «Медея» привлекает простотой, неподдельным изяществом и трагическим напряжением. Растрепанные волосы, безумное выражение глаз отражают душевное состояние отчаявшейся женщины. Приглушенные тона и общее цветовое единство образа и среды усиливают ощущение тревоги. Моделью художнику послужила легендарная леди Гамильтон. В музеях Ве-

Валентин Принсеп. Волшебница Медея

Джон Уильям Уотерхаус. Ясон и Медея

свисающая с деревьев змея. Возможно, деталь указывает на способность колхидской принцессы к волшебству, ее отношение к медицине или же на принадлежность к хтоническому божеству (такого взгляда придерживались некоторые исследователи мифологии). Полотно хранится в частной коллекции художника.

Картина британского художника-прерафаэлиты Джона Уильяма Уотерхауса (1849-1917) «Ясон и Медея» написана в 1907 году. Уотерхаус в своем творчестве часто обращался к теме магии, колдовства, неоднократно

использовал греческую мифологию. На картине волшебница Медея в красивом темно-красном платье готовит чудодейственное зелье, по всей вероятности, для усыпления дракона, охраняющего Золотое руно. Рядом расположился Ясон в традиционной одежде греческого воина, напряженно

Эвелин де Морган. Медея

наблюдающий за процессом. Ясон и Медея изображены сидящими на каменных скамьях в небольшом патио. В картине ощущается романтическая атмосфера, характерная для прерафаэлитов. Полотно находится в частном собрании.

На картине «Медея» Эвелин де Морган (1855-1919), британской художницы, последовательницы прерафаэлитов, красивая молодая женщина с отстраненным выражением лица идет по мраморному дворцу с сосудом в руках. Сосуд с зельем, вероятно, предназначен для Ясона. В волосах Медеи светится холодным блеском жемчуг. Холодный оттенок красного одеяния, своды античного дворца, статуэтки, мраморный пол, голуби на полу — все создает определенный настрой, способствуя восприятию Медеи как трагической фигуры, а не как бессердечной колдуньи и убийцы. Картина хранится в Великобритании, в Галерее искусств Уильямсона в Беркенхеде.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО

Бьяджо д'Антонио Туччи (1445-1510), великий итальянский художник эпохи Возрождения, один из оформителей Сикстинской капеллы, посвятил аргонавтам и Медее несколько полотен, на одном из которых отражена история похода аргонавтов в Колхиду за Золотым руном (хранится в Нью-Йорке в Метрополитен-музее). Туччи также принадлежит картина, посвященная обручению Медеи и Ясона. Свита, сопровождающая Медею на свадебной церемонии, состоит из молодежи, одетой в экзотические наряды, за спиной Ясона виднеются фигуры легендарных аргонавтов. Картина хранится в Париже в Музее декоративного искусства.

Коррадо Джаквинто (1703-1766) — известный итальянский художник эпохи рококо. Развитие стиля рококо в Европе связано с французским королем Людовиком XV и мадам де Помпадур. В 1752 году Коррадо Джаквинто создает картину «Медея», оказавшуюся

Коррадо Джаквинто. Медея

судьбоносной для художника, — сразу после демонстрации картины его приглашают в качестве придворного художника в Мадрид. На картине изображена Медея и лежащие у ее ног безжизненные тела детей. Она сидит в изящной позе, одной рукой опираясь на сидение, в другой руке у нее кинжал —

Бьяджо д'Антонио Туччи. Обручение Медеи и Ясона

орудие убийства, и настороженно смотрит вдаль, как бы ожидая реакции на свой поступок. Кажется, она не понимает до конца, что совершила. Детали картины выписаны с характерной для стиля рококо утонченностью и изысканностью. Нежная пастельная палитра несколько смягчает трагическое звучание. Созданные Коррадо Джаквинто картины украшают различные музеи и галереи мира в Париже, Вашингтоне, Мадриде, Нью-Йорке, Лондоне и др. Картина «Медея» хранится в Национальном музее Британии.

ФРАНЦУЗСКОЕ ИСКУССТВО

Анри Клагманн (1842-1871) — известный французский живописец с оригинальным видением. Картина «Медея с детьми» представляет трагический финал преданной любви. Мрачная галерея, дети играют на полу. Поглощенная горестными мыслями, тяжелым взглядом Медея вглядывается в пустоту, в руках у нее кинжал. Она любит детей и не в силах расстаться с ними таким чудовищным образом. В ней борются материнское чувство и чувство мести за оскорбленную честь и достоинство, за предательство любви. Темные краски и насыщенная тревогой атмосфера — все предвещает грядущую трагедию. Картина хранится во Франции, в Лотарингии, в Музее изящных искусств в Нанси.

Эжен Делакруа (1798-1863) — французский живописец и гра-

фик, крупнейший представитель романтизма в европейской живописи. Образ Медеи многие годы был объектом интереса художника. Поначалу он делал зарисовки в своем альбоме, а в 1838 году представил работу в Художественном салоне, где картина имела большой успех и была приобретена государством. На полотне изображена Медея с малолетними детьми. В руке у нее кинжал. Одного ребенка она прижимает к себе, а второй висит у нее на другой руке. Картина пропитана предчувствием надвигающейся трагедии. На лице у Медеи — одновременно смятение, решимость и тревожное ожидание. Мастерски выписан яркий эмоциональный образ женщины, решившейся на отчаянный

Генри Клагманн. Медея с детьми

Эжен Делакруа. Медея, собирающаяся убить своих детей

поступок. Насыщенный колорит и необычная игра светотени, характерные для творчества Эжена Делакруа, создают необыкновенный эффект. Свет сфокусирован на фигурах детей и Медеи, верхняя часть лица которой слегка затемнена. Интерес к картине был настолько высок, что, по настоянию публики, «Медея» целый год находилась в экспозиции музея. Спустя 20 лет, по просьбе любителей искусства, художник вновь возвращается к образу Медеи и создает еще одну версию, а через два года — еще две копии оригинальной картины меньшего размера, одна из которых ныне хранится в Лувре. Сама картина, эскизы и подго-

Гюстав Моро. Ясон и Медея

товительные рисунки хранятся во Дворце изящных искусств в Лилле. «Медея» Делакруа по сей день вызывает интерес художников и ценителей живописи, особенно его эксперименты в области цвета, светотени, так ярко отраженные в картине. В 2000 году, спустя два века после написания, «Медея» с большим успехом вновь была выставлена в Национальном музее Эжена Делакруа.

Гюстав Моро (1826-1898) – известный французский живописец, символист. Картина «Ясон и Медея» – одна из лучших его картин – была написана в 1865 году и неизменно пользовалась широкой популярностью. На полотне изображены полуобнаженные Ясон и Медея в начале любовных отношений. Ясон написан с поднятой вверх рукой, решительным выражением лица, у его ног – поверженный орел с распластанными крыльями, как символ успешной экспедиции и знак покровительства богов. Грациозно опираясь на плечо возлюбленного, Медея с нежностью смотрит на него. Мастерски выписанные прекрасные объемные фигуры создают полную иллюзию античных статуй. Светлый настрой картины достигается искусно подобранными оттенками золотисто-светлых красок. Картина хранится в Париже в Музее д'Орсе.

НЕМЕЦКОЕ ИСКУССТВО

Кристиан Даниэль Раух (1777-1857) – великий немецкий скульптор, представитель т.н. прусского эллинизма. Прошел обучение в Италии, которое профинансировал король Фридрих Вильгельм III. Известность ему принесли мемориал в Кенигсберге, первый памятник Иммануилу Канту, памятник королеве Луизе, знаменитая конная статуя Фридриха Великого в

Кристиан Даниэль Раух.
Ясон и Медея

им портреты знаменитостей пользовались широкой популярностью и были востребованы по всей Европе. В самом расцвете творческих сил скоропостижно скончался в Венеции, похоронен в Нюрнберге, в Германии рядом с Людвигом Фейербахом и выдающимся немецким художником эпохи Возрождения Альбрехтом Дюрером.

На его картине «Медея», написанной в 1870 году, колхидская принцесса изображена с детьми, перед отъездом из Коринфа. Она с любовью обнимает и нежно прижимает детей к себе. Образ Медеи написан с явным сочувствием и симпатией. Трудно представить, что она задумала из мести убить детей. На заднем фоне слуги готовят лодку к отплытию. Няня закрыла лицо руками, предчувствуя трагические события. Тяжелый фон и мрачное небо создают атмосферу необратимости трагедии. Картина была куплена в 1879

Ансельм Фейербах. Медея

Берлине и др. В числе значимых работ скульптора – архитектурное творение, посвященное теме аргонавтов.

Ансельм Фейербах (1829-1880) – один из крупнейших немецких художников XIX века, признанный мастер исторической живописи. Он был аристократом по происхождению, из известной семьи, отец – профессор истории, дядя – знаменитый немецкий философ Людвиг Фейербах. В его творчестве ярко выражено влияние античного наследия. Большую часть жизни провел в Италии, где изучал наследие великих мастеров Возрождения. Написанные

году королем Баварии Людвигом II, а в 1932 году – Компенсационным фондом Виттельсбаха, где и хранится.

Пронесются тысячелетия, сменяются цивилизации, а интерес к неординарной личности Медеи не ослабевает, продолжая будоражить умы и вдохновляя поколения великих деятелей искусства и литературы на создание шедевров.

Легенды не умирают – они всегда возвращаются. Легендарная колхидская принцесса Медея бессмертна в исторической памяти народа.

АНГЕЛ ТРУБЯЩИЙ

■ Нонна АМБАРЦУМЯН

Олег Погудин. Выдающийся исполнитель камерной музыки, профессор, режиссер, народный артист РФ, обладатель множества престижных премий. Эстет. Он по праву считается королем русского романса и заслуженно именуется «серебряным голосом России».

Но все эти сухие факты бледнеют в сравнении с той необыкновенной атмосферой счастья и радости, царящей на его концертах и спектаклях, которые проходят с постоянным успехом и поразительной частотой уже более трех десятков лет в разных странах и городах, больших и малых.

Он родился в 1968 году в Ленинграде, в семье инженеров. Уже с 11 лет был солистом детского хора Ленинградского радиотелевидения и выступал на больших сценах. После школы поступил в театральный институт, по окончании был принят в БДТ им. Товстоногова. Он до сих пор с благодарностью вспоминает три года, проведенные на сцене легендарного театра, где многому научился у великих артистов. Но зов

сердца заставил его покинуть театральную сцену и начать сольную деятельность в мире романса.

Романс был любим многими поколениями, но, испытавший незаслуженный гнет в XX столетии, этот жанр, казалось бы, стал затухать и считался утратившим популярность на большой сцене. Однако с приходом Погудина романс в России возродился, можно сказать, до былой славы и даже обрел новую силу и теперь уже имеет много последователей и почитателей в мире серьезной музыки. Олег очень трепетно относится к исполнению романсов. Он говорит: «Певец должен возвышать земную любовь так, чтобы в ней вспыхнул ответ любви небесной. А небесная любовь — целомудренна».

В Погудине удивительно сочетаются глубина сознания зрелого мужа с непосредственностью и чистотой ребенка. Его исполнение завораживает необъяснимой тайной. Глубоко воцерковленный человек, он всю сознательную жизнь ратует за воплощение главного

постулата религии: «Бог есть любовь». Идея бесконечной любви к людям пронизывает все творчество артиста.

Погудин исполняет песни на разных языках и видит в этом особенное счастье: «Нет для Бога разных народов и разных языков. К сожалению, приходится прилагать труд и усилия, чтобы это понять. А песня сама все за нас делает».

Особенное место в творчестве Олега Погудина занимают произведения Булата Окуджавы. Он настаивает, что Окуджава — гениальный поэт. Окуджава для Погудина — наставник по юности и все более необходимый с годами собеседник, охраняющий нас своими песнями. Олег говорит, что в его песнях очень четко проявляется присутствие Божье. Не назидательно, а через любовь и уважение.

В репертуаре Погудина — более 500 песен и более 20 концертных программ. Поставленный им в духе рембетики спектакль «Мелодия рассвета», пронизанный замечательными греческими песнями, включен

в репертуар в двух театрах. Погудин всегда завораживает на сцене – это и особенной красоты тембр голоса, и грациозная пластика, и его утонченно «танцующие» руки. Но в этом спектакле драматическое дарование артиста проявилось с такой глубиной, что восторженное оцепенение не покидает зрителей и после окончания действия. Не удивительно, что «Мелодия рассвета» идет с постоянным аншлагом.

Имея многотысячную армию любящих зрителей, он давно мог бы спокойно почивать на лаврах. Но Погудин ищет новые формы и выходит за рамки соло-конcertов – он выступил сценаристом, постановщиком и продюсером сценической трилогии: «Серебряный век», «Золотой век» и «Ар-деко». Уникальный триптих охватывает период двух столетий и раскрывает дух того времени, повествует о судьбах ярких его представителей. В спектаклях задействованы ведущие артисты театров драмы, оперы, балета. Аншлаги в десятках городов подтверждают победу этого рискованного проекта.

В 2024 году, в ознаменование 210-летия со дня рождения

М.Ю. Лермонтова, Олег Погудин представил публике новый великолепный спектакль – «Лермонтов. Я к вам пишу...». За основу взято стихотворение «Валерик». Этот спектакль тоже состоялся в репертуаре театров двух столиц, а главное – уже заслужил горячую любовь зрителей, о чем опять-таки говорят неизменные аншлаги.

Вершиной исполнительского мастерства Олега Погудина можно по праву назвать его известнейшую концертную программу «Вертинский», посвященную легенде эстрады первой половины XX века. С этой программой Погудин выступает уже более 30 лет, виртуозно рисуя портрет великого шансонье через его песни. И вот – следующий шаг: спектакль «Вертинский. Возвращение», поставленный к 135-летию Вертинского в театре Елены Камбуровой. Погудин выступил в качестве режиссера, автора сценария и, конечно, вдохновителя. Он отважился на рискованный для своих почитателей шаг – спектакль Погудина без Погудина. И снова победил! В роли Вертинского выступает талантливый молодой артист Данила Можаяев. Премьера этого

спектакля состоялась недавно. Но уже о нем множество восторженных рецензий и опять аншлаги.

Вот, к примеру, цитата из рецензии, опубликованной в авторитетнейшем журнале «Театрал»: «В режиссерской манере Погудина чувствуется тонкий почерк Серебряного века. У старинных писцов для разного рода записей существовали несколько видов перьев, для спектакля «Вертинский. Возвращение» Олег Евгеньевич взял самое тонкое «перо». Спектакль каллиграфичен, его изящество происходит от чуткого отношения к литературному материалу и самого режиссера, и актера Данилы Можаяева. Как и в случае с Лермонтовым, Погудин очень бережен, если не сказать нежен со своими героями – Лермонтовым и Вертинским... неременной авторской кодой Погудина как режиссера является его абсолютная влюбленность в эпоху Серебряного века, когда революционный слом, точнее сказать разлом послужил мощным катализатором для культурного сияния, охватившего светом ярких образов весь небосвод. То сияние

было настолько мощным, что его сполохи мы видим до сих пор. Для Олега Евгеньевича эта сердечная вовлеченность и есть тот волшебный ключ, благодаря которому открывается дверца в мир, где очаг настоящий».

За что ни берется этот удивительный человек, все обрекает на успех. И это не субъективное мнение: «Слушал Олега и плакал от счастья, что снова в России родился неповторимый талант» (Валерий Гаврилин), «Погудин один из лучших певцов России, в чьем творчестве воплотилось все лучшее, что есть в русской поэзии» (Евгений Евтушенко), «Когда я слушаю Погудина меня охватывает чувство необъяснимого счастья» (Олег Басилашвили), «Если хотите оздоровить душу, надо идти на концерт Погудина» (Григорий Лепс).

Концертный график Погудина расписан на годы вперед. Однако он вновь и вновь стремится повысить свою художественную квалификацию, посещает различные курсы и семинары, старается не пропускать оперные и театральные премьеры. Как в одном человеке аккумулируется столько энергии?

А чего стоит его фантастический оркестр, который с Погудиным уже более двадцати лет! Все они красивы и талантливы. В их числе – заслуженные артисты, профессора высших учебных заведений. У некоторых – собственные проекты. Но душевное и духовное родство позволяет им соединяться в насыщенном гастрольном графике. Созерцать, слушать этот оркестр – высочайшее наслаждение. Единый организм. В них – одна кровь, одно дыхание.

В начале творческой карьеры Олег Погудин был удостоен награды «Ангел трубящий» – «за постижение души русского романса». Этот символ точнее всего характеризует весь его путь – путь, который он выбрал еще совсем юным, когда говорил: «Я хотел бы прожить так, чтобы говорить о самом сокровенном и даже о великом не с трибуны, не громко, а доверительно и тихо, как это делает романс. Он понятен и одному

человеку, и тысячам». И он, как истинный рыцарь, не сходит с выбранного пути. Его слышат, понимают и любят тысячи почитателей. Так пусть звезда Оле-

га Погудина еще долго-долго освещает выбранный им путь. Труби, Ангел!

СИМВОЛ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

■ **Нина ШАДУРИ**

Рука не поднимается написать, сколько лет исполняется Анастасии Вертинской.

Не может такого быть просто потому, что не может быть.

Давайте о другом. О том, что мама Анастасии – грузинка. И о том, что сама она, как известно, «дочка» Серго Закариадзе. Вот какой грузинский замес получается!

Прадед Анастасии, Константин Циргвава, был офицером царской армии. В свое время осел в Китае, занялся пчеловодством. Дед, Владимир Константинович, служил в управлении Китайско-Восточной железной дороги. Мама, Лидия Владимировна, актриса и художница, родилась в Харбине, и ее крестным отцом стал Владимир Карселадзе, уроженец Батуми, начальник вольно-пожарной службы в Харбине (его ждала трагическая участь – в 1935 году Карселадзе выехал в СССР, где его сразу же репрессировали).

В 1942 году Лидия Циргвава вышла замуж за Александра Вертинского. Ей было 19 лет, ему – 53.

Между прочим, еще в 1915 году Александр Нико-

Лидия Вертинская

лаевич дал слово жениться на грузинке. Дело было так: после концерта в Тбилисском оперном театре последовал ужин. Знаменитого шансонье – со всем возможным гостеприимством и почитанием – угощали грузинскими блюдами и вином. И тут, покоренный изумительным вкусом национальных яств и бесконечной почтительностью хозяев, Вертинский воскликнул: «Если я когда-нибудь женюсь, то только на грузинке!» И женился – спустя четверть века.

«Он называл себя «кавказским пленником», – вспоминала Лидия Владимировна, – ему очень нравилось, что я наполовину грузинка, потому что он всегда любил грузин. Он спросил, как меня называют грузины. Я ответила: «Лила». Александр Николаевич улыбнулся. – Как чудесно. Я буду звать тебя Лилой, а ты будешь звать меня Сандро».

Через год после свадьбы Лидия с мужем, трехмесячной дочкой Марианной и матерью выехали из Шанхая в Москву. А еще через год Анастасия, еще не родившись, впервые попала в Грузию. Дело в том, что в 1944 году Вертинский повез всю семью в Грузию – пожить на родине жены. Лидия в этот период была беременна вторым ребенком – Настей.

«Тбилиси – дивной красоты город, – вспоминала Лидия Владимировна, – но стояла сильная жара. Жить в городской гостинице от зноя невозможно.

Расспросили, где лучше провести лето, нам посоветовали Боржоми. Поехали с Вертинским на электричке в Боржоми снять дачу. Там на горе стояли саки, а внизу в домах все занято. Поднялись высоко в гору и нашли подходящую саку, где на втором этаже были две большие комнаты и терраса. Сняли их и даже договорились с соседями, что они будут доставлять нам козье молоко. В Боржоми мы прожили два месяца и отпраздновали первый год рождения нашей дочери Машеньки. Боржоми – сказочный курорт с превосходным климатом. Мы ходили пить к источнику со зна-

грузинами?

Начнем со второго.

В 1988 году на киностудии «Грузия-фильм» Резо Чхеидзе снял 9-серийный художественный фильм «Житие Дон Кихота и Санчо». Одна из самых ярких актерских пар картины – Герцогиня и Герцог в исполнении Анастасии Вертинской и Гоги Харабадзе. А вот и удивительная параллель: в фильме Григория Козинцева «Дон Кихот» 1957 года эти роли сыграли Бруно Фрейндлих и Лидия Вертинская-Циргава – дочка приняла своеобразную творческую эстафету от мамы...

Хотя поначалу на роль Гер-

Александр Вертинский с дочерьми

менитой целебной водой. Там встречали много солдат, заживающих раны после госпиталя...»

Обе дочери выросли красавицами и стали актрисами. Старшая, Марианна, почти полвека прослужила в театре Вахтангова. А ее самая известная роль в кино – Аня в картине «Застава Ильича» Марлена Хуциева (между прочим, коренного тбилисца).

Анастасия была актрисой театра им. Пушкина, «Современника», МХАТа. Много и успешно снималась в кино. Стоит ли перечислять знаменитые роли Анастасии Вертинской, которые мы и так знаем назубок? Не стоит. Но как не вспомнить два фильма, снятых режиссерами-

цогини была утверждена Маргарита Терехова (а Дон Кихота, заметим в скобках, должен был играть Отар Мегвинетухуцеси, но Чхеидзе передумал, позвал Кахи Кавсадзе, и вспылчивый Отар грозился зарезать режиссера). С Тереховой уже был согласован график съемок, куплены билеты на самолет, забронирована гостиница... Она даже отказалась от двух серьезных проектов из-за этой картины. И вдруг – Резо Чхеидзе принимает решение пригласить другую актрису. «Только Вертинская», – заявил он своим помощникам и приказал немедленно позвонить Тереховой в Москву и объяснить ситуацию. Всех тут же как ветром сдуло. И это понятно: кому же охота

звонить кинозвезде, известной своим строптивым характером, и сообщать такие вести! Неприятная обязанность выпала на долю одного из ассистентов режиссера, который, кстати, и вел все переговоры с актрисой. И мы не беремся повторить все те эпитеты, которыми Маргарита Борисовна щедро наградила и звонившего, и всех участников съемочной группы «Дон Кихота».

Так или иначе, но роль досталась Анастасии Вертинской, и она сыграла безупречно. Между прочим, ее знаменитая тяга к парадоксальным решениям и неожиданным ходам проявилась и на этой картине. В одном из эпизодов на руках у Герцогины должен был сидеть сиамский кот. Нашли красавца-кота, умного и послушного, привели в павильон, отрепетировали сцену – все прекрасно. Но как только включили прожектора, кот от испуга обезумел – метался по

павильону, прыгал по декорациям, раздирал реквизит и отчаянно мяукал. Хозяйева еле поймали своего питомца и удрученно откланялись. И тут Анастасия Александровна предложила: «А что, если у меня на руках будет

не кот?» – «А кто?» – спросил режиссер. – «Ну, например, лягушка. Я буду держать лягушку и гладить ее по голове». Чхеидзе с досадой отмахнулся – какая еще лягушка! Но внимательные зрители «Дон Кихота», конечно, уже вспомнили – «партнершей» Герцогины стала именно лягушка. Даже, пожалуй, жаба. Резо Чхеидзе оказался тем режиссером, который отзывается на неожиданные идеи.

Трудно сказать, какой след оставила эта роль в творческой жизни Анастасии. Но мы знаем наверняка, что на нее огромное впечатление произвел великий Кахи Кавсадзе. Прежде всего – как человек. «В «Дон Кихоте» у меня не было большого количества сцен с ним, – вспоминала Вертинская, – но на площадке Кахи создавал уникальную атмосферу. Не всегда актер, который играет главную роль, видит окружающих. В основном он заиклен на самом себе. А Кавсадзе был невероятно внимательным человеком. И его обожал весь персонал съемочной группы».

За 20 лет до «Дон Кихота» Анастасия сыграла в картине «Не горюй!» роль Мэри Цинцадзе. Георгий Данелия рассказывал, что выбор пал на Вертинскую вовсе не из-за ее грузинских корней: «Мы с Резо Габриадзе забыли об этом. Когда сели за сценарий, то уже с первой страницы, знали, что Мэри будет играть Вертинская. Потому что героиня должна была быть красивой и аристократичной. А это именно Настя».

На съемках фильма «Житие Дон Кихота и Санчо»

С Вахтангом Кикабидзе в фильме «Не горюй!»

Фильм снимали летом 1968 года в окрестностях Тбилиси. Все шло хорошо. Но когда на съемки прилетела Вертинская, возникла проблема. И лучше Георгия Николаевича Данелия рассказать обо всем этом, конечно, никто бы не смог:

«Я встречал Настю в Тбилисском аэропорту и, когда увидел, перепугался: в Москве в моду входили мини-юбки и Настя надела не просто мини, а супер-мини. А до Тбилиси мода на мини еще не докатилась. К ней теперь охрану человек пять приставлять надо!

До этого Закариадзе и Вертинская не виделись. Сцены дочери и отца мы снимали монтажно, Закариадзе отдельно и Вертинскую отдельно, потому что когда снимали Закариадзе, Вертинская была занята в спектакле, а когда она освободилась, Закариадзе улетел на съемки в Италию. И вот, наконец, отец и дочь должны были познакомиться и сняться вместе.

Когда Закариадзе приехал на репетицию в гостиницу и увидел в моем номере Настю в мини-юбочке, он вызвал меня в коридор и спросил сурово:

— Кто эта девица?

— Это ваша дочь.

— В каком публичном доме ты ее разыскал?!

— Сергей Александрович, это Настя Вертинская, дочь Александра Вертинского. Она играла Офелию в Гамлете Козинцева...

— Настенька! — потеплел Закариадзе. — Я ее на руках держал, когда она маленькая была!

Фото Валерия Плотникова

Анастасия, Марианна и Лидия Вертинские на открытии мемориальной доски Александра Вертинского

— И попросил: — Только ты ее на улицу в таком виде не выпускай! И еще — никому не говорите, что она мою дочь играет!»

Анастасию часто называют «русской Вивьен Ли». Но разве можно сравнить хоть с кем-то эту инопланетянку? Ее удивительную, экзотическую красоту? Ее глаза, в которых, как писали все критики, отражается небо? Наконец, ее талант — яркий и ослепительный? Что вы, конечно, не с кем. Вертинская такая одна.

Как давно и справедливо сказано, «она была символом

десятилетий: в 60-х — девушкой-мечтой, в 70-х — женщиной-стилем, в 80-х заняла пьедестал кумира».

Грузинский зритель никогда не свергает с пьедестала любимых артистов и по-прежнему любит Анастасию Вертинскую — ее Ассоль, Гуттиэре, Офелию, Лизу Болконскую, Китти Щербацкую, Маргариту... Любит и надеется на новые встречи. Как пел Александр Вертинский, «разве мы расстаемся навек?»

Да сбудутся наши надежды!

ВСТРЕЧИ В ДУШАНБЕ

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

Признаюсь вам откровенно: мой интерес к Таджикистану продиктован не только тем, что это одно из самых древних государств в мире, страна с богатейшими традициями культуры и спорта, с большой и уникальной историей, но и тем, что главным тренером национальной футбольной сборной Таджикистана с марта 2024 года является уроженец Батуми Гела Шекиладзе – в разное время защитник национальной сборной Грузии, батумского «Динамо», бельгийских команд «Льерс» и «Руселаре» и украинских клубов «Арсенал» и ЦСКА. С 2007 года Гела работает тренером – он тренировал юношеские и молодежные сборные Грузии, ряд клубов Индонезии и Боснии, был вторым тренером национальных сборных Афганистана и Мальдивских островов. С 2022 года по февраль 2024-го – ассистент главного тренера сборной Таджикистана, а в последние полгода – главный тренер. Его помощником стал Тамаз Бокерия, который играл за тбилисские

клубы «Норчи Динамоели» и «Вит-Джорджия», работал в Федерации футбола Грузии, был спортивным директором клубов «Зестафони» и «Локомотив» Тбилиси

Для меня было важно встретиться с нашими специалистами, а также, конечно, посетить и футбольные матчи –

национальных сборных Таджикистана и Афганистана и сборных Непала и Афганистана.

На мой вопрос: «Есть ли у сборной Таджикистана потенциал, чтобы успешно пройти отборочный турнир чемпионата мира?», Гела Шекиладзе ответил очень четко: «Да, я в этом уверен. Таджикский фут-

Гела Шекиладзе, Тенгиз Пачкория, Тамаз Бокерия

Барно Боева

бол имеет потенциал и ресурсы для того, чтобы бороться за выход на ЧМ и достичь этой цели. Буду рад, если на чемпионате в одной группе будут и Таджикистан, и Грузия».

Шекиладзе рассказал о новшествах в команде, о целях сборной, о том, что победа над Непалом в матче со счетом 4:0 была важна для настроения игроков на матч с Афганистаном. Сборная Афганистана неожиданно для многих проиграла Непалу со счетом 0:2, и поэтому все ожидали, что сборной Таджикистана будет непросто победить афганцев. И действительно, матч выдался очень напряженным, но завершился победой Таджикистана — 3:1. Более десяти тысяч зрителей, пришедших на Центральный республиканский стадион, овациями проводили игроков сборной Таджикистана, которые показали красивую и техничную игру.

В числе зрителей матча была и известная журналистка, знаток грузинского языка и литературы, переводчица Барно Боева. Будучи студенткой филологического факультета Таджикского государственного университета, она получила приглашение продолжить учебу в Тбилисском госуниверситете. Барно приняла приглашение, окончила наш университет, стала отличным специалистом, большим знатоком грузинской литературы. Она перевела на таджикский язык детские сказки Нино Бездерашвили, несколько рассказов и пьес грузинских драматургов, по которым были поставлены спектакли в таджикских театрах. А с таджикского на грузин-

ский Барно осуществила стихотворный перевод произведений детского поэта Юсуфджона Ахмадзода. С 2012 года Барно Боева — главный редактор таджикского женского журнала «Бахтофарони Вахдат».

«Я очень скучаю по Грузии, — призналась мне Барно. — С детства я любила грузинские фильмы и песни, поэтому неудивительно, что в 1988 году сразу же приняла предложение Союза писателей Таджикистана поехать на учебу в Тбилиси для изучения грузинского языка и литературы. С теплом вспоминаю период учебы в Тбилиси. К сожалению, я уже 31 год не была в Грузии, но надеюсь, что скоро придет тот день, когда вновь смогу приехать в Тбилиси, побывать в университете, пообщаться с моими однокурсниками и преподавателями».

Еще одна моя встреча в Душанбе состоялась при содействии одного из самых знаменитых грузин в Таджикистане, журналиста и бизнесмена Нукри Гиоргадзе. Я пообщался с Александром Дзабидрадзе — многоопытным тренером по футболу. Его я знаю давно, еще с тех времен, когда он играл за национальную сборную Грузии по футболу. Он успешно выступал за футбольные клубы РФ, Азербайджана и Казахстана. В последние годы работал тренером — в Грузии, Таджикистане, Казахстане, а с апреля 2023

Нукри Гиоргадзе

года — главный тренер футбольной команды «Истиклол» Душанбе. Я побывал на одной из встреч «Истиклола» и видел, как он ювелирно дирижировал игрой команды. «Передай привет Грузии, — сказал Александр. — Очень скучаю по родине».

В середине ноября в Душанбе состоялся вечер памяти легенд грузинской культуры — Гии Канучели и Георгия Дanelия. Вечер прошел в кинокафе «У Нукри» в центре столицы. Это знаменитое место — как мне рассказали, здешние грузины называют его «маленьким Сакартвело» и отмечают здесь национальные праздники. Хотя не меньшей популярностью кафе пользуется и у таджиков.

Гостей приветствовал хозяин кафе, знаток и ценитель кино Нукри Гиоргадзе. Нукри родился и вырос в Озургети, в 1983 году окончил факультет журналистики ТГУ, работал в Тбилиси, а с 1994 года живет в Душанбе. Независимо от места работы в сфере бизнеса в Душанбе, он как творческий человек всегда проводил мероприятия, направленные на популяризацию в Таджикистане культуры Грузии, на сотрудничество

двух стран в сферах культуры, спорта, туризма и бизнеса. На этом вечере Нукри рассказал много интересного о композиторе и режиссере. А затем мы с удовольствием посмотрели фрагменты любимых картин, а также записи выступлений популярных молодежных грузинских музыкальных групп и известных певцов, которые исполняли произведения Канчели из фильмов Дanelия.

Особое удовольствие зрителям доставило выступление Хушбхта Давлаткадамова – его исполнение грузинских песен поразило всех. Таджикский поклонник и знаток культуры Грузии, специалист в области права, Хушбхт работал в министерстве юстиции Таджикистана, а ныне является юристом ISB – Первого Микрофинансового банка.

На вечере выступили художник, преподаватель Таджикского государственного института изобразительного искусства и дизайна Манзура Ульджабаева, киновед Саноат Азизова, журналист Манижа Курбанова, а также Барно Боева. Особо хотелось бы выделить выступление доктора исторических наук, музыковеда Бахринисо Кабиловой. Она поделилась воспоминаниями о личном общении с Гией Канчели, привела интересные данные о творчестве уникального композитора и

подчеркнула, что музыка, написанная Канчели к десяткам кинофильмов и сделавшая его популярным, занимает важное, но не главное место в его творчестве. «Канчели написал много выдающихся музыкальных произведений, художественно самобытных, глубоких по смыслу и философии – симфонических и камерных, вокальных и хоровых», – подчеркнула музыковед.

На вечер в кинокафе «У Нукри» пришли знаменитый таджикский поэт Тимур Зулфикаров, писатель, драматург и переводчик Амаль Ханум Гаджиева, кинорежиссер-документалист, оператор Георгий Дзалаев (в начале 1980-х годов он учился во ВГИКе вместе с известным кинорежиссером Гоги Торадзе, ныне вице-президентом Национальной киноакадемии Грузии), проживающий в последние годы в Душанбе 84-летний Айвенго Заркуа, уроженец Зугдиди, выпускник Сухумского института субтропического хозяйств, участник турниров и чемпионатов Грузии по легкой атлетике.

Довелось выступить на этом вечере и мне, и я сердечно поблагодарил Нукри Гиоргадзе за пропаганду грузинской культуры в Таджикистане, за налаживание культурного моста между двумя странами и, думаю, вполне заслуженно назвал его «народным послом Грузии в Таджикистане» и выразил надежду, что со временем, подобные мероприятия будут в больших творческих залах Душанбе и с участием деятелей культуры обеих стран. И, пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить Нукри Гиоргадзе за то внимание, которое он оказал автору этих строк Душанбе, и за организацию многих интересных встреч.

Особо хочется упомянуть о встречах с генеральным директором ведущего спортивного телеканала Таджикистана «ТВ Варзиш» Парвизом Норионом и его сотрудниками. Мы не только обменялись опытом работы, но и обсудили вопросы сотрудничества журналистов Таджикистана и Грузии и возможности приглашения в Грузию футбольной сборной журналистов Таджикистана для участия в

Дильшод Назаров

традиционном международном турнире среди журналистов имени Котэ Махарадзе, который уже несколько лет проводится по инициативе Ассоциации спортивных журналистов Грузии и при поддержке министерства спорта страны с участием сборных не менее восьми стран Европы.

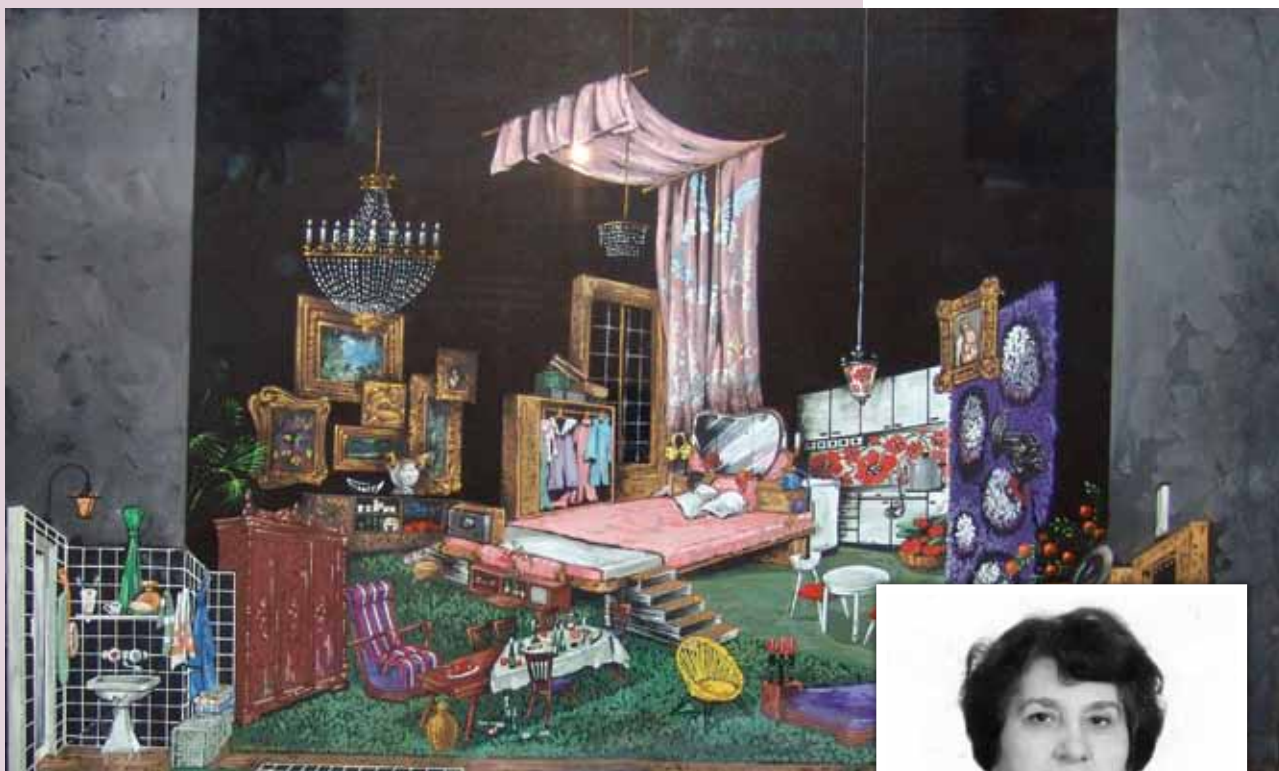
И, наконец, еще одна встреча – с легендарным таджикским спортсменом, вице-президентом Национального олимпийского комитета Таджикистана Дильшодом Назаровым. Метатель молота, Назаров – чемпион Олимпийских игр 2016 года, вице-чемпион мира и пятикратный чемпион Азии. Он первый и пока единственный таджикский спортсмен, ставший чемпионом Олимпийских игр в период независимости страны. Организатором встречи стал Генсек НОК Таджикистана Мухаммадшо Абдуллозода.

Дильшод Назаров сказал, что НОК Таджикистана намерен развивать сотрудничество с НОК Грузии и готовит проект соответствующего соглашения, который будет передан на рассмотрение в Тбилиси. «Мы очень хотим сотрудничать с Олимпийским комитетом Грузии и профильными федерациями, в частности, планируем пригласить в Таджикистан грузинских тренеров по дзюдо, чтобы они обучали наших спортсменов. У вас выдающаяся школа дзюдо, и мы это очень ценим», – отметил легендарный спортсмен.

Тбилиси – Душанбе – Тбилиси

Александр Дзабиридзе

«Энергичные люди» В. Шукшина

«ДОНЦОВА – ЭТО ВЫСОКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Одно из самых дорогих для грибоедовцев имен – Евгения Донцова. В декабре нынешнего года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося художника и сценографа.

Евгения Павловна Донцова (1924-2005) родилась в Ростове-на-Дону. В 1941-42 гг. работала заведующей декоративным цехом Грозненского русского драматического театра, а уже в 1943-м стала студенткой факультета живописи Тбилисской академии художеств, которую окончила в 1950 году по специальности «театрально-декоративная живопись». Ее педагогами были видные грузинские художники Давид Какабадзе и Серго Кобуладзе.

Сразу по окончании вуза Евгения Павловна пришла в театр имени А.С. Грибоедова – здесь она за несколько десятилетий оформила более 70 спектаклей (учитывая сотрудничество с другими театрами, на счету Донцовой около 100 работ!). Ее дебютом стала мелодрама «По-

терянный дом» С. Михалкова (режиссер Габриэл Гвиниашвили), а последней работой – прелестная сказка «Принц-горбун» Ф. Кони, которую поставила Лейла Джаши.

В 1960 году Евгении Донцовой было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Грузии. С 1963 года она – главный художник Грибоедовского театра. При этом Донцова не

«Пиковая дама» П. Чайковского

«Цезарь и Клеопатра» Б. Шоу

ограничивается только сценографией – круг ее интересов широк. К чему бы ни обращалась в своем творчестве Евгения Павловна – будь то рисунок, акварель, литография, станковая композиция, ее произведения несли на себе печать таланта и высокого профессионализма. А сценография способствовала созданию ярких, эмоционально насыщенных спектаклей, среди которых – «Живой труп» Л. Толстого, «Собака на сене» Лопе де Вега, «Расточитель» Н. Лескова, «Жестокие игры» А. Арбузова, «Последние» М. Горького, «Закон вечности» Н. Думбадзе, «Измена» А. Сумбатшвили-Южина, «Дни Турбиных» М. Булгакова, «Сестры» Л. Разумовской...

Евгении Павловне довелось работать с такими замечательными мастерами режиссуры, как Леонид Варпаховский, Михаил Туманишвили, Медея Кучухидзе, Котэ Сурмава, Гига

«Молодая гвардия» по А. Фадееву

Лордкипанидзе, Петр Фоменко, Александр Товстоногов, Гизо Жордания, Гоги Кавтарадзе.

«Е. Донцова всегда интересно и оригинально ищет, успешно находит. Создаваемый ею на сцене художественный мир, материально-предметная среда подтверждают абсолютную достоверность, декорации решены в неразрывном единстве человека и окружающего его материального мира, времени и пространства. Причем это не копирование, а скорее создание мира эмоционального воздействия и социальной ориентации», – отмечает в своей монографии искусствовед И. Дзуцова.

По мнению режиссера Александра Товстоногова, «творческая индивидуальность Евгении Донцовой проявлялась в чутком восприятии замысла постановщика, в точном ощущении авторского стиля. Глубокое знание специфики театра помогало ей создавать декорации, сливающиеся в органично связанное, единое целое, где все от актера

и для актера».

«Она оформила около ста спектаклей! Работала в разных городах СССР. Некоторые из оформленных Донцовой спектаклей были отмечены призами. Как можно забыть это имя? Конечно, оно заслуживает нашего внимания и памяти. Ведь Донцова – это, прежде всего, высокая художественная культура. Ее эскиз костюма – это уже образ, потому что точно передает характер персонажа. Высокая культура письма и ответственное, профессиональное отношение к своему делу проявляются во всех произведениях художника – костюмах, декорациях, рисунках, станковых композициях. Даже в самой простой работе! И еще – юмор... То есть, каждый образ глубоко раскрыт, а подчас еще и с юмором», – считает искусствовед Ика Бокучава, в 2016 году организовавшая великолепную выставку произведений Евгении Донцовой в своей галерее «Iart».

Эскиз к неосуществленному проекту по произведениям А. Чехова

თბილისის ალ. გრიბოედოვის სახელობის
სახელმწიფო რუსული
დრამატული თეატრი

Тбилисский государственный русский
драматический театр
им. А.С. Грибоедова

საზომი 179 СЕЗОН
2024-2025

დეკემბერი

29 კვ., 30 ორ. 12:00

პრემიერა
პ.-ქ. ანდერსენი

ჭირვეული პრინცესა

ზღაპარი ერთ მოქმედებად

ДЕКАБРЬ

29 вск., 30 пн 12:00

Премьера
Г.-Х. Андерсен

КАПРИЗНАЯ ПРИНЦЕССА

Сказка в одном действии

იანვარი

3 სამ., 12:00 4 ოთხშ. 12:00

პ.-ქ. ანდერსენი

თოვლის დედოფალი

მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად

5 ხუთშ., 6 პარ. 12:00

პ. ტრევერსი

მერი პოპინსი

მიუზიკლი ერთ მოქმედებად

7 შაბ., 8 კვ. 12:00

პრემიერა
პ.-ქ. ანდერსენი

ჭირვეული პრინცესა

ზღაპარი ერთ მოქმედებად

9 ორშ. 12:00

ნ. კალატოზი

ბედის ჯადოსნური საჩუქარი

მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად

10. ორშ

რ. კიპლინგი

მაუგლი

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად

11 ოთხშ., 12 ხუთშ. 12:00

პრემიერა
პ.-ქ. ანდერსენი

ჭირვეული პრინცესა

ზღაპარი ერთ მოქმედებად

სპექტაკლების დასაწყისი 12 საათზე

დიდ დარბაზში

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი

ავთანდილ ვარსიმაშვილი

სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი

კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი

ცნობები ტელეფონებზე: 2 93-11-06, 2 93-43-36

www.griboedovtheatre.ge

ЯНВАРЬ

3 ვტ, 4 სრ. 12:00

Г.-Х. Андерсен

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Музыкальная сказка в одном действии

5 чт., 6 пт 12:00

П. Трэверс

МЭРИ ПОППИНС

Мюзикл в одном действии

7 сб., 8 вск. 12:00

Премьера
Г.-Х. Андерсен

КАПРИЗНАЯ ПРИНЦЕССА

Сказка в одном действии

9 пн 12:00

Н. Калатоzi

ВОЛШЕБНЫЙ ПОДАРОК СУДЬБЫ

Музыкальная сказка в одном действии

10 вт. 12:00

Р. Киплинг

МАУГЛИ

Музыкальное представление в одном действии

11 ср., 12 чт. 12:00

Премьера
Г.-Х. Андерсен

КАПРИЗНАЯ ПРИНЦЕССА

Сказка в одном действии

Начало спектаклей в 12.00

Большой зал

Художественный руководитель театра

Авთანდილ Варсამაშვილი

лауреат Государственной премии Грузии

лауреат премии им. Котэ Марджанишвили

Справки по телефонам: 2 93-11-06, 2 93-43-36

ЗИМНИЙ СИГНАХИ
Фото: Серго ЭДИШЕРАШВИЛИ